

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РУКОПИСНАЯ
КНИГА
В КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ОЧЕРКИ

Книга первая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Эпоха арабской рукописной книги продолжается с VII в. до начала книгопечатания в XIX в.; после появления печатной арабской книги рукописная некоторое время ей сопутствует, но постепенно отходит на второй план, вытесняется из живого обращения и оседает в хранилищах как памятник прошлого. Не столь четко устанавливаются географические рамки распространения арабской рукописной книги, поскольку периферийные ее границы были зыбкими и исторически изменчивыми. Областью наиболее интенсивного созидания и использования был и оставался Ближний Восток вместе с некоторыми прилегающими к нему территориями, хотя и в этих пределах единого для всех периодов центра не существовало.

Необходимо оговорить также, что эпитет «арабская» в выражениях «арабская культура» и «арабская рукописная книга» предполагает, кажется (по аналогии с современными национальными культурами), несколько большую этнолингвистическую и географическую определенность, чем это в действительности имело место. На самом же деле этот эпитет с несомненностью указывает только на язык и средство его графической передачи, письмо. Арабская культура и арабская рукописная книга получили значительно более широкое распространение, чем зона обитания арабов или область их политического господства. Но тем не менее традиция этой культуры и рукописной книги характеризуется единством, не позволяющим членить ее на части при научном рассмотрении.

Рождение арабской книги датируется VII в. н. э., точнее — началом его четвертого десятилетия. До этого времени письменные памятники арабского языка были представлены лишь краткими текстами, высеченными на камне, если не считать встречающиеся в иноязычных источниках упоминания арабских слов, имен, названий.

Древние арабы, или протоарабы, пользовались двумя разновидностями семитского буквенно-консонантного (по другим оценкам — слогового) письма. Выполненные ими надписи обнаруживаются лишь в одной части обширного Аравийского полуострова, а именно на его северо-западе и в прилегающем 241

сиро-палестинском регионе. Хронологически более ранним является употребление так называемого сабейского (южно-арабского, или южноаравийского) алфавита из 29 знаков; слегка различающимися вариантами этого алфавита выполнены надписи, которые называют самудскими, лихйанскими, сафскими (сафаитскими) и синаитскими. Количество эпиграфических памятников велико, исчисляется сотнями и тысячами, но доставляемая ими информация о языке очень скудна, так как они содержат по большей части имена высекавших их лиц и — реже — короткие фразы. Точная датировка надписей проблематична; время появления самых ранних из них относят приблизительно к пятому или более отдаленному веку до нашей эры, вплоть до восьмого, а нижний хронологический предел — к III—IV вв. н. э. Литературного продолжения эта традиция не получила и постепенно отмерла, но благодаря прочности материала надписи сохранились до наших дней; в XIX—XX вв. они были открыты востоковедами, расшифрованы и опубликованы (работы по их поиску, исследованию и изданию продолжаются).

Иною была судьба арамейского алфавита из 22 знаков в Nabateyском государстве, существовавшем на рубеже нашей эры в том же северо-западном углу Аравии: из него развился самостоятельный алфавит, который стал впоследствии собственнo арабским, употребляемым по сей день. Сначала этим письмом передавали отдельные арабские имена, слова и грамматические формы в текстах на арамейском языке, позднее составляли надписи на арабском языке. Сохранившиеся памятники обособившегося раннеарабского письма крайне незначительны — это всего лишь несколько надписей IV—VI вв., происходящие из Южной Сирии.

Таким образом, только небольшая группа арабских племен заимствовала у своих соседей искусство письма немного ранее середины I тысячелетия до н. э. и использовала его для ограниченных целей. Позднее, в первые века нашей эры, другая группа арабских племен освоила еще одну разновидность семитского письма и также применяла его практически очень мало. В целом же арабы оставались, по существу, бесписьменным народом и основную массу культурной информации передавали от поколения к поколению устным путем. Правда, как выяснилось впоследствии, у них уже сложился (с III в. н. э.?) общий для большинства племен поэтический язык и высокого развития достигли словесные искусства, особенно поэзия.

В V—VI вв. упомянутое раннеарабское письмо набатейского происхождения распространилось, очевидно, по всей

242 Северной Аравии; есть сведения о том, что оно было известно

в Думат ал-Джандале, Тайме, Анбаре, Хире, Мекке, Ясрибе, Тайфе и, может быть, в других городках и селениях. Это связывают с проникновением христианства в Аравию и сложением полуассалльных, зависимых от Византии и Ирана государств — Лахмидского в Приевфратье и Гассанидского на юге Сирии. Однако прямых свидетельств в виде письменных памятников мы не имеем. Поэтому вопросы о возможном существовании документальных и литературных записей, христианских молитвенных и литургических текстов на арабском языке остаются в области предположений и гипотез. До открытия новых данных — надежды на это призрачны — удовлетворительное решение поставленных вопросов не может быть достигнуто (см., например, [Nöldeke — Schwally, 1909, с. 10—11]).

Подлинный переворот в социально-политической и культурно-идеологической жизни арабов обозначило появление ислама в первой трети VII в. Колыбелью нового вероучения стал город Мекка в западной части Аравии, давний торговый и культурный центр общеаравийского значения. Ислам начался с индивидуальной проповеднической деятельности его основателя: здесь около 610 г. местный купец среднего достатка Мухаммад, сын 'Абдаллаха, примерно в сорокалетнем возрасте поведал своим ближайшим родичам о являвшихся ему пророческих видениях. В течение ряда лет он без особого успеха призывал мекканцев уверовать в Единого бога, Аллаха, и отринуть остальных богов, которым они тогда поклонялись. Большинство горожан отнеслось к его призывам с сомнением и порой откровенно над ним насмеялось, только несколько его родичей выразили ему сочувствие и поддержку; все же вокруг них объединилась небольшая группа иноплеменных рабов и вольноотпущенников. За 12 лет Мухаммад достиг в Мекке незначительного успеха, число его последователей стало немногим более ста человек. Перебравшись в 622 г. в Ясриб (будущую Медину), он возглавил общину из эмигрировавших вместе с ним мекканцев и поддержавших его местных сторонников. Благодаря ряду умело проведенных дипломатических актов и боевых операций Мухаммад установил власть над всем Ясрибским оазисом и окрестными племенами, а в 630 г. с триумфом вступил в Мекку. За последние два года его жизни почти вся Аравия признала его верховный авторитет, духовный и светский. Так впервые в истории состоялось политическое объединение населения и территории Аравийского полуострова под властью независимого государства, началась консолидация разрозненных родо-племенных коллективов в единый народ, вобравший в себя также потомков создателей южноаравийских цивилизаций.

Мухаммад проповедовал свое учение изустно, провозглашая откровения, «внушаемые» или «ниспосылаемые» ему Аллахом через посредство некоего духа или вестника. На довольно ранней стадии проповеднической деятельности у Мухаммада созрело представление о том, что «славный Коран» хранится в небесной скрижали, предвечной и сокровенной, и ниспосылается ему частями. Он неоднократно говорил об этом, но при его жизни земной аналог книги не был письменно закреплён в той последовательности и в тех выражениях, как он ее сообщал. Более того, он возвращался к уже обнародованным «откровениям», менял их словесное выражение и смысл, объявлял некоторые из них отмененными и взамен произносил новые. Пока пророк был жив, Коран не находил завершения.

Коран запоминали наизусть мусульмане, а отдельные его части, по всей видимости, записывались грамотными людьми. Когда Мухаммад был уже главой многочисленной общины и значительного государства, при нем состояли писцы-секретари.

После его смерти возникла настоятельная необходимость собрать воедино все его «откровения», упорядочить их и записать. Задача составления сводного текста Корана была возложена на молодого Зайда б. Сабита, одного из бывших вольноотпущенников и писцов Мухаммада. Он и выполнил ее в правление первого халифа — Абу Бакра (632—634). Так состоялось превращение устного Корана в Коран писанный, т. е. возникла первая в истории арабская книга. Значение этого факта трудно переоценить.

Правда, становление Корана на этом не закончилось. Наряду со сводным текстом Зайда б. Сабита продолжали существовать и другие сборники «откровений» Мухаммада. Поскольку в исламской общине решение всех возникавших вопросов стремились обосновать ссылками на божественную книгу, то ее часто цитировали либо по памяти, либо по имевшимся спискам. Коран стал важным оружием в социальной борьбе, вокруг его истолкования и применения начались разногласия, которые, как известно, не смолкают по сей день. Руководители общины были заинтересованы в установлении авторитетного и общепризнанного текста книги.

К созданию сводного текста Корана вновь обратились около 651 г. при третьем халифе — Османе (644—656). Для этого была назначена коллегия из четырех лиц во главе с тем же Зайдом б. Сабитом. Неизвестно, отличалась ли новая редакция от прежней сколько-нибудь существенно, но теперь были приняты все меры к тому, чтобы сделать ее официальной, раз-

244 множить в копиях и разослать в главные города тогдашнего

арабского государства — Мекку, Дамаск, Куффу и Басру. Все остальные записи было велено собрать, использовать для сличения, а затем уничтожить. Однако добиться этого сразу и полностью не удалось: еще в течение двух-трех веков в обращении находились кое-какие версии Корана, имевшие расхождения с текстом официально принятой редакции. Но постепенно они совершенно исчезли, так же как не сохранились прижизненные Мухаммаду записи. Коран дошел до нас только в редакции времени Османа, а разночтения ранних списков продолжали обсуждать в сочинениях, специально этому посвященных.

«Откровения» Мухаммада состояли из отрезков речи, которые назывались *айат*, что значит «знамение» или «чудо», но переводится условно «стих (Корана)», хотя формально-стилистические особенности Корана можно охарактеризовать как ритмизованную и местами рифмованную прозу (араб. *садж'*), четко отличавшуюся по ряду признаков от поэзии (*ши'р*). Группы айатов образуют *суры*, условно называемые «главами», которых насчитывается 114. Как айаты, так и суры неодинаковы по величине. Редакторы Корана имели, очевидно, перед собой готовые куски текста, которые они должны были расположить в определенной последовательности. Избрав формальный путь, они разместили суры в порядке убывающего объема, лишь изредка отступая от этого принципа; на первое место, в частности, была выдвинута коротенькая сура (*ал-Фатиха*) («Открывающая»), ставшая уже к тому времени наиболее часто произносимой молитвой. При таком способе расположения суры более раннего происхождения, состоящие из небольшого числа кратких айатов, попали в конец книги, а более поздние и пространные — в ее начало.

В целом с точки зрения содержания и композиции Коран создает впечатление слабо и нечетко упорядоченной книги. В нем без видимого порядка и логики следуют друг за другом увещания, предписания, предостережения и угрозы, произнесенные в разные годы деятельности Мухаммада и обращенные от имени бога к самому пророку, к верующим мусульманам, к язычникам или колеблющимся; назидательные притчи и рассказы на библейские и фольклорные сюжеты; описания грядущего «конца мира» и Судного дня, воздаяния грешникам и праведникам; указания и решения, призванные регламентировать все усложнявшуюся жизнь постоянно растущей общины *муслимов* (мусульман), их имущественные и семейные отношения, уладить взаимные обиды и распри отдельных лиц и групп и т. д.

Коран стал священным писанием мусульман, Книгой по преимуществу, «матерью книг» (*умм ал-китаб*), наиболее часто читаемой и переписываемой в мире ислама. Произошло это не сразу, а вместе с развитием и превращениями самого мира ислама.

Было бы очень важно знать, сколько времени Коран оставался единственной арабской книгой и как скоро размножались его копии, когда появилась следующая книга, ставшая собственно первой земной, человеческой книгой, происхождение которой не мистифицировано связью с небом и пророческим откровением. Ответ на этот вопрос, как и на многие другие, возникающие в связи с ним, не может быть дан с желаемой степенью точности.

Ясно, что превращение арабов из бесписьменного народа в обладателя богатой, разнообразной письменности совершилось не только благодаря Корану, хотя он стоял у истоков и дал мощный импульс. За Кораном последовали другие книги. Уже в VIII в. было немало арабских авторов и произведений, в следующем, IX в. тех и других насчитывалось сотни, а далее книжная письменность разрасталась как снежный ком, воплощаясь во множестве разнотипных сочинений светского и духовного содержания.

Начала всех отраслей арабской письменности, известных по более поздним памятникам и рукописям, традиция возводит к VIII и частично к VII в., а от них сохранилось до обидного мало прямых документальных свидетельств. По соображениям исторической логики действительно арабские книжные жанры должны были возникнуть где-то на рубеже VII—VIII вв., расти и развиваться последовательно. Но наука требует неопровержимых материальных подтверждений, а от факта гибели самых первых сочинений и ранних рукописных их копий (кроме Корана) никуда не уйти.

Проблема начальной истории арабской письменности существует с самого появления арабистики и по-разному решается в зависимости от научных школ и направлений, индивидуальных склонностей и таланта отдельных ученых. Увеличение фактического материала и совершенствование исследовательских приемов добавляют новую пищу для незатухающей полемики по этой проблеме, одной из ключевых в арабистике. Два крайних ее решения опираются либо на полное недоверие к тем сообщениям и объяснениям, которые содержатся в арабской традиции, либо на признание достоверности этой традиции с небольшими оговорками и поправками. Сторонники крайних или компромиссно-умеренных точек зрения по-разному заполняют тот промежуток в один-полтора века ранней

истории арабской письменности (от 630 до 750-х годов и чуть позднее), когда происходили скрытое от нас вызревание ее жанров и медленный рост числа авторов и произведений; неодинаково представляют внутренний процесс развития и раскладывают его этапы на хронологической шкале.

В то же время основные источники арабской письменности и магистральные пути ее становления в общем и целом понятны, каких-либо таинственных или принципиально непостижимых моментов не содержат. Во-первых, арабские книги сложились из записей произведений устной словесности, созданных по большей части задолго до появления ислама и хранившихся в людской памяти. Во-вторых, они представляют собой переводы с других языков. В-третьих, они возникли как продукт общественной мысли и литературного творчества раннеисламской эпохи.

Значит, проблема сводится к тому, чтобы установить, точнее говоря, реконструировать с большей или меньшей вероятностью, в какой последовательности появлялись арабские книги указанных типов, кто, когда, где, в каких условиях и с какими целями занялся записями, переводами, сочинительством. Однако конкретная история арабской письменности определялась комплексом политических, социально-демографических и культурных факторов, без предварительного рассмотрения которых не обойтись. Необходимо хотя бы обозреть их очень бегло и в самом общем виде.

Тот же самый хронологический период, который нас интересует с точки зрения развития арабской литературы и книжного дела (а именно с 30-х годов VII до середины VIII в.), насыщен крупномасштабными историческими событиями и процессами, обозначившими резкие, глубокие перемены в судьбах народов и стран ближневосточного региона. Объединенные новой религиозной идеологией и молодым государством, арабы сокрушили две могущественные империи на Переднем Востоке: Византийскую (или Восточноримскую) и Иранскую (по правившей династии — Сасанидскую) — и создали мировую державу, Халифат. Население тех территорий, которые были завоеваны арабами, было не просто механически объединено в новом государстве. Началась коренная перестройка социальных отношений и социальной организации, интеграция разнородных элементов в языковом, культурном, религиозно-политическом отношении. В складывавшемся общественном организме традиции разных культур слились в единое русло. В обширной зоне новой синкретической культуры, охватывавшей Юго-Западную Азию, Северную Африку и части Южной Европы, Аравия стала лишь малой и не главной 247

частью; в этносоциальном коллективе ее творцов и носителей арабы составили меньшинство, правда очень активное и привилегированное. Арабский язык был основным средством коммуникации и одним из средств самовыражения в том обществе, которое эту культуру создало.

В результате тех же социально-исторических процессов глубокие изменения претерпел и сам арабский язык. Изолированное развитие живых арабских говоров прервалось, происходило их сближение и выравнивание. В то же время увеличение количества людей, говорящих по-арабски, за счет притока усвоивших арабский язык представителей других народов вызвало его ускоренную эволюцию. Изменения затронули фонетику, морфологию и синтаксис, т. е. весь строй арабского языка; общее их направление состояло в возрастании удельного веса аналитических средств и упрощении системы флексий. Арабская лексика обогащалась благодаря заимствованиям, новообразованиям и употреблению нарицательных слов в новом значении. Под мощным субстратным влиянием других языков происходила перегруппировка прежних и формирование новых разговорных арабских диалектов.

В условиях быстрого и интенсивного языкового изменения остро встал вопрос о нормативном языке для литературного и официального употребления, а также об усовершенствовании средства его письменной фиксации. В качестве языкового эталона был принят язык поэзии и Корана, тогда еще очень близкий большинству бедуинских говоров Аравии. Высокий престиж арабскому языку обеспечили громкие победы арабов на полях сражений; распространение ислама его укрепило. Важные решения, способствовавшие дальнейшему упрочению позиций арабского языка, были приняты в правление халифа 'Абдалмалика в конце VII в. В столице Халифата г. Дамаске делопроизводством было переведено на арабский язык, и этот обычай распространился по всему государству. Тогда же начали чеканить монеты с арабской легендой.

Реформа арабской орфографии точно не датируется. По всей видимости, она протекала постепенно, в несколько этапов, по мере накопления опыта у разных писцов. Некоторые нововведения связывают с инициативой тех или иных влиятельных государственных деятелей при дамаскских халифах из династии Омейядов, в частности с инициативой всесильного «наместника обоих Ираков» ал-Хаджаджа при упомянутом 'Абдалмалике. Одновременно в историко-литературных источниках большой упор делается на деятельности отдельных филологов; на их счет относят идеи исправления и улучшения арабской орфографии, изобретение конкретных значков и установление

правил их употребления либо же создание авторитетного прецедента своей личной практикой в преподавании и переписывании (о ранних филологах речь пойдет ниже). Подобные косвенные датировки позволяют растянуть реформу или ее отдельные этапы на период в целое столетие — от 680 до 780-х годов. Суть ее заключалась в следующем.

Из 22 набатейских букв несколько пар и одна группа из четырех букв на письме были очень схожи, почти совпадали. Для того чтобы отличать их друг от друга, в раннеарабском письме были введены диакритические точки, надстрочные и подстрочные. Теперь уже сблизившиеся или почти совпавшие буквы писали совершенно одинаково, только точка (иногда две или три точки), поставленная сверху или снизу одной из них, служила средством их различения. Развивая тот же прием, т. е. используя различные графемы и диакритические точки и по-разному их сочетая, изобрели семь дополнительных букв (арабский язык богаче согласными звуками, чем набатейский). Так был получен арабский алфавит из 28 букв (одна набатейская буква не нашла применения и уже давно была отброшена). Но основных графем, различающихся между собой независимо от наличия или отсутствия точек, осталось 15, как было в исходном, набатейском письме.

Уже в набатейском письме буквы в пределах слова или его части соединялись линией, по преимуществу с одной стороны. В раннеарабском письме тенденция к курсивности усилилась, большинство букв соединялись лигатурами с обеих сторон. Зрелое арабское письмо на практике выработало правило связанного написания, при котором у каждой буквы имелось по три устойчивых позиционных варианта (начальный, срединный и конечный) и один не связанный, изолированный (как исключение, шесть букв сохранили давнюю особенность соединяться только справа, но не слева и потому имели только конечный и изолированный варианты). Таким образом, 28 арабских букв реализовывались в ста начертаниях, а корпуса букв без учета точек — в 68.

Эти две стороны совершенствования арабского письма — введение диакритической пунктуации и лигатурных соединений букв — сопровождались установлением соразмерности букв, т. е. взаимной их согласованности по величине.

Известный в набатейском письме обычай передавать иногда долгие гласные посредством согласных букв в арабском был возведен в систему. И потому буквы *алиф*, *вав* и *йа'* кроме основной своей функции — обозначать соответствующие согласные — приняли на себя функцию обозначения долгих гласных *ā*, *ū*, *ī*.

Краткие же гласные (в протоарабском, набатейском и раннеарабском не обозначавшиеся никак) стали передавать не посредством особых букв, а надстрочными и подстрочными значками при тех согласных, за которыми они следовали (это было возможно только при таком типе языка, как арабский, где два гласных подряд вообще не встречаются). Благодаря этому нововведению арабская графическая система отошла от традиционного семитского типа, по существу слогового, но не стала полностью алфавитной.

Сверх того был введен ряд других дополнительных значков, которые также ставили над или под буквами, но не на строке.

Одним словом, историческая орфография арабского языка развивалась в направлении от унаследованного набатейского письма к его приспособлению под нужды звучащей речи. Накапливался длительный опыт проб и ошибок по установлению лигатурных написаний «корпуса» букв, введению диакритических и прочих вспомогательных значков. Стремясь устранить стихийный произвол писцов, время от времени пытались если не нормализовать, то систематизировать орфографию. В результате был достигнут компромисс, выработано письмо, включавшее в себя ряд особенностей исторического написания, обусловленных консерватизмом системы, и ряд особенностей, отвечавших произносительным нормам двух основных арабских диалектов — восточного и западного, представленных соответственно поэзией и Кораном. Становление арабской системы письма можно считать завершившимся к середине VIII в., но оно не выразилось в каком-либо официальном акте, который придал бы ей обязательную силу. В установившейся орфографии были как общепринятые моменты, так и спорные, оставлявшие место для колебаний и индивидуального выбора.

Без написания «корпуса» букв с их лигатурами письмо не состоялось бы вообще — это было обязательным. А вот с вспомогательными значками всех типов, в том числе и с букворазличительными точками, дело обстояло иначе: полностью их писали редко, обычно же — выборочно, опуская произвольно. Поэтому арабское письмо оставалось исторически обратимым, способным вернуться к исходному своему состоянию, к той раннеарабской стадии, на которой графически различали 15 букв (в конечной и изолированной позициях — 18). Таким минимальным набором графем обходились не только в надписях (на камне, предметах, монетах), но и во многих документах и книгах. При отсутствии жестко регламентированной орфографии большинство арабских текстов записывалось таким вариантом алфавита, в котором число употреб-

ленных вспомогательных значков колебалось. Каждый текст, в том числе и книжный, характеризовался свойственным только ему набором элементов «полной» графической системы. Это сохранялось на протяжении всей истории арабской книги.

Усовершенствовав заимствованное письмо, арабы получили удовлетворительное средство для фиксации языковых памятников; каждой согласной фонеме языка соответствовала одна буква, и каждая буква передавала одну согласную фонему (исключения носят частный характер); гласные фонемы также могли быть переданы недвусмысленно и однозначно. К тому же это письмо обладало достоинством емкости и экономичности, что явилось одним из важных условий существования книжной традиции на арабском языке.

Расширение арабской державы, расселение арабов в новых землях и особенно в старых или основанных ими городах, распространение ислама и арабского языка среди наиболее активной части населения покоренных стран, укрепление позиций арабского языка в качестве государственного, завершение реформы орфографии — все это подготовило почву для дальнейших шагов арабской письменности [см.: Халидов, 1982 (I)].

Составление сводной редакции Корана, о котором речь шла выше, было предпринято в то время, когда шло усмирение арабских племен и утверждалась власть мединской общины во главе с халифом Абу Бакром на всей территории Аравийского полуострова. Вторая редакция Корана была осуществлена после решающих сражений на Ярмуке, при Кадисии и Нихавенде, когда арабы овладели уже Сирией, Египтом, Ираком и Ираном. Во время первой гражданской войны 656 г. халиф Осман был убит, как свидетельствует историческое предание, в тот момент, когда он держал перед собой рукопись Корана, а воины сирийского наместника Му'авии взывали к мести за Османа, подняв на острие копий свитки с текстом этой же книги.

В эпоху великих завоеваний, когда арабские армии на западе подошли к Пиренеям, на севере — к стенам Константинополя и на востоке — к долинам Амударьи и Инда, средоточием интеллектуальной жизни и литературного творчества были Аравия, Сирия и Ирак. Продолжала развиваться поэзия, возник интерес к генеалогиям арабских племен, разгорелись религиозно-политические споры, начался сбор преданий о раннеисламской мединской общине и первых боевых походах мусульман. Особое внимание привлекали богословско-юридические вопросы, решение которых связывалось с истолкованием и применением тех или иных положений Корана. 251

В связи с этим обсуждались разночтения его рукописей, разные способы его рецитации. Вся совокупность проблем и сложившаяся в государстве языковая ситуация придали актуальность филологии, прежде всего грамматике.

Именно в перечисленных областях были созданы первые письменные произведения. На роль одной из самых древних арабских книг мог бы претендовать комментарий к Корану, принадлежащий Ибн ал-'Аббасу (ум. в 688 г.), если бы можно было уверенно полагать, что он был составлен в письменной форме. Известия о Ибн ал-'Аббасе противоречивы; согласно некоторым из них, от него сохранилось много рукописей, согласно другим, его комментарий был записан и дополнен учившимися у него передатчиками следующего поколения. Во всяком случае, на рубеже VII и VIII вв. жили несколько человек (Даххак, Муджахид, Са'ид б. Джубайр), которые слыли авторами комментариев на Коран; на их толкования и через них на Ибн ал-'Аббаса ссылались авторы сохранившихся комментариев на Коран, Мухаммад б. ас-Са'иб ал-Калби (ум. в 763 г.) и Мукатил б. Сулайман (ум. в 767 г.), а также их современники, чьи аналогичные сочинения известны только по упоминаниям [Abbott, 1967, т. 2, с. 95—101].

Сходное положение наблюдается в записи хадисов (рассказов и преданий о поступках и изречениях основателя ислама и его ближайших сподвижников). В начале VIII в. собиратели и знатоки хадисов в Медине, Басре, Куфе и Дамаске — среди них самые известные: Ибн Шихаб аз-Зухри (ум. в 741 г.), Йахйа б. Са'ид ал-Ансари (ум. в 760 г.), Ибн Джурайдж (ум. в 767 г.) — были прозваны «книжниками» за свое пристрастие к письменному способу передачи хадисов. Собранные ими хадисы составили, очевидно, значительное количество рукописей, под которыми подразумевались тогда отдельные тетради и свитки. Мединец аз-Зухри, который долгое время работал в Дамаске, пользуясь покровительством и поощрением нескольких омейядских халифов, является центральной фигурой в истории письменной фиксации хадисов. Однако ни он, ни его современники не претендовали на роль первых составителей сборников хадисов, они ссылались на своих предшественников, вплоть до представителей первого поколения мусульман, и не только на их устные сообщения, но и на записи. Самые ранние записи представляли, видимо, более или менее случайные подборки хадисов; позднее их группировали по именам тех лиц, которые назывались в качестве первоисточника или основного передатчика; к концу рассматриваемого периода, т. е. середине VIII в., появились тематические сбор-

ники хадисов, приспособленные для практических нужд судопроизводства и управления.

Вместе с тематически упорядоченными собраниями хадисов и *сунны* (обычаев пророка, халифов и др.) обозначилось рождение новой отрасли арабской письменности — *фикха*, учения о законах и нормах, которым должны подчиняться индивидуальное поведение и социальная жизнь мусульман. У истоков фикха стоят знатоки хадисов и толкования Корана Абу Ханифа ан-Ну'ман б. Сабит (ум. в 767 г.), ал-Ауза'и (ум. в 773 г.), Суфйан ас-Саури (ум. в 778 г.) и Малик б. Анас (ум. в 795 г.).

На первую половину VIII в. приходится жизнь Ибн Аби Исхака (ум. в 735 г.) из Басры и его современника из Куфы Му'азы ал-Харра', которые считаются авторами первых сочинений по арабской грамматике, известных по упоминаниям в более поздних источниках. Филологическими вопросами занимались в большей или меньшей степени все хадисоведы, чтецы Корана, собиратели исторических и генеалогических преданий доисламской Аравии и мусульманской общины, знатоки поэзии. Зачастую в этот ранний период одни и те же авторы писали в разных областях, поскольку отрасли знания были еще слабо дифференцированы. Учениками вышеназванных были знаменитые впоследствии филологи Абу 'Амр б. ал-'Ала' (ум. в 771 г.), 'Иса б. 'Умар ас-Сакафи (ум. в 766 г.), Йунус б. Хабиб (ум. в 798 г.), ар-Ру'аси и др.

Филологами и богословами Басры, портового города со смешанным населением, были выполнены переводы ряда письменных произведений с пехлевийского (среднеперсидского) на арабский. Ибн ал-Мукаффа' (казнен в 759 г.) принадлежит перевод «Калилы и Димны» и переложения некоторых назидательных сочинений. Есть известия о том, что еще раньше в Дамаске по заказу членов правящей династии Омейядов (Халида б. Йазид, 'Умара б. 'Абд ал-'Азиза) переводились с греческого сочинения по алхимии, медицине, музыке; однако достоверность этих известий вызывает сомнение и к тому же не подкрепляется рукописными свидетельствами.

Настоящий подъем арабской литературы и науки, разветвление их жанров, резкое увеличение числа авторов и сочинений, расширение ареала их распространения, огромный размах деятельности по созданию, размножению и собиранию рукописных книг относятся к багдадскому периоду в истории Халифата во главе с династией Аббасидов (750—1258). Этот период протяженностью в пять веков слишком обширен, и поэтому лучше разделить его на две неравные части и рассмотреть сначала отрезок до середины XI в.

Разительные успехи арабской письменности начиная со второй половины VIII в. и далее хорошо видны на примере филологии. Вслед за упоминавшимися авторами первых грамматических трудов, из которых несколько пережили гражданскую войну, смену династий и застали аббасидских халифов, пришло новое поколение талантливых филологов, исследователей арабского языка и ревностных собирателей его памятников. Они также действовали сначала в Басре и Куфе. Основателем арабской филологии в главных ее разделах был ал-Халил б. Ахмад ал-Азди ал-Фарахиди из Басры (ум. в 791 г.). Его грамматическое учение, излагавшееся им на лекциях, было систематизировано его учеником Сибавайхи (ум. ок. 796 г.) в «ал-Китаб» («Книге»). В многочисленных параграфах этого объемистого труда грамматика арабского языка была описана детально и точно; теоретические положения этого труда, его композиция и терминология носили оригинальные черты. Популяризация «Книги» Сибавайхи через устное преподавание и переписку копий принадлежит ученикам обоих названных филологов, среди которых выделялись ал-Ахфаш Средний и ал-Мубаррад.

Наиболее видными филологами Куфы были 'Али б. Хамза ал-Киса'и (ум. в 804 г.) и Йахйя б. Зийад ал-Фарра' (ум. в 822 г.). Они написали ряд грамматических сочинений, из которых лишь немногие сохранились до наших дней.

В конце VIII—начале IX в. большинство филологов Басры и Куфы перебрались в столицу, г. Багдад, и образовали две соперничающие группировки; они написали множество трудов и вели между собой нескончаемые споры по частным вопросам грамматики арабского языка. В середине века лидером «басрийцев» стал ал-Мубаррад, «куфийцев» — Са'лаб; полемика между ними и их приверженцами продолжалась еще несколько десятилетий, потом затихла. Конечная победа была одержана басрийцами, утвердившими непререкаемый авторитет своей школы. Построение арабской грамматической теории, в сущности единой, было завершено трудами филологов X—XI вв. Ибн Дуруставайхи, ас-Сирафи, ар-Руммани, Абу 'Али ал-Фариси, Ибн Джинни и др. Основная их заслуга состояла в создании нормативной грамматики арабского литературного языка, которую они рассматривали в последовательности: синтаксис, словообразование, фонетика; морфология отдельно не выделялась, не затрагивалась во всех трех разделах. Кроме всевозможных переработок и комментариев «Книги» Сибавайхи арабские грамматисты писали небольшие сочинения

В тех же кругах разрабатывалась арабская лексикография. Упомянутый ал-Халил создал и первый толковый словарь арабского языка. Слова в нем группировались по корням, а корневые гнезда располагались в алфавитном порядке. Причем ал-Халил обосновал и применил особый алфавитный порядок, основанный на физиологии речи: согласные у него шли начиная от гортанных к губным (в этом усматривают возможное индийское влияние, которое практически трудно проверить). По первой «книге», посвященной гортанному 'айну, весь словарь был назван «Китаб ал-'айн» («Книгой айна»). Это был по замыслу всеобъемлющий свод арабской лексики.

Младшие современники и ученики ал-Халила предложили иной подход к описанию арабской лексики в своих предметно-тематических монографиях, в которых группировались и объяснялись слова на одну избранную тему (например, все слова, относящиеся к бедуинскому шатру). Как составители малых словарей особенно известны два соперничавших филолога — ал-Асма'и (739—831) и Абу 'Убайда (732—826). Им принадлежат словарные монографии на такие темы, как верблюд, конь, человек, одежда, оружие, жилище, финиковая пальма, вода, редкие и странные слова, синонимы, антонимы и др. Их современник из Куфы Абу 'Амр аш-Шайбани (ум. в 828 г.) составил словарь редкой поэтической лексики, следуя обычному прямому алфавитному порядку, и объединил слова в побуквенные главы по первому корневому согласному, но не позаботился об их упорядочении в пределах глав.

Упомянувшийся большой словарь ал-Халила, по-видимому, не был завершен автором, и этот труд довели до конца его ученики. Во всяком случае, его рукописи вошли в обиход только в 60—70-е годы IX в. Именно в те годы начал работать над созданием своего словаря «ал-Джамхара» («Свод») и закончил около 900 г. Ибн Дурайд (837—933). Он хотел упростить организацию лексического материала, но лишь слегка видоизменил систему ал-Халила; тем не менее его словарь стал более популярен, чем труд его великого предшественника.

В том же, X в. еще несколько лексикографов предприняли усилия по созданию больших словарей арабского языка, подражая одному из ранее обнародованных. Так, методу ал-Халила следовали ал-Кали (893—967), который перебрался в 942 г. из Багдада в Испанию, ал-Азхари (895—981) в своем десятитомном словаре «Тахзиб ал-луга» и Исма'ил б. 'Аббад (938—995) в малооригинальном словаре с претенциозным заглавием «ал-Мухит» («Всеохватывающий» — оно привилось и впоследствии заимствовалось многими авторами). Ибн Фарис 255

и некоторые другие филологи составили словари с прямым алфавитным порядком расположения лексики.

Новые принципы организации лексического материала в толковом словаре ввел ал-Джаухари (ум. до 1007 г.). Происходя из Фараба (Отрара), он учился в Багдаде, путешествовал по Аравии и работал в Нишапуре. В своем «Сихахе» он охватил около 40 тысяч слов и распределил корневые гнезда по 28 главам, ориентируясь на конечный согласный корня. В пределах каждой главы он рассматривал корни в прямом алфавитном порядке, начиная с первого согласного и переходя ко второму. Построение его словаря отличалось четкостью и строгостью и было по достоинству оценено.

Одновременно с грамматическим учением и толковым словарем арабского языка была создана теория просодии арабского стиха. И принадлежит она тому же ал-Халилу. В VIII—IX вв. было разработано филологами и учение о рифме. Родоначальником поэтики, учения о фигурах и украшениях речи, стал Абдаллах б. ал-Му'тазз (уб. в 908 г.); параллельно с ним над вопросами поэтики и стилистики работали и другие филологи, в частности Кудам б. Джа'фар. На рубеже X и XI вв. ал-'Аскари дал систематический свод накопленного теоретического и иллюстративного материала в «Китаб ас-Сина'атайн» («Книге о двух искусствах — [поэзии и прозе]»). Труды по просодии и рифме, равно как по поэтике и стилистике, представляли, как правило, небольшие по объему трактаты, занимавшие однотомную рукопись или ее часть.

Главным образом филологам принадлежит заслуга в письменной фиксации наследия древнеарабской и раннеисламской устной словесности. Богатейшая доисламская арабская поэзия знала одну-единственную форму законченного стихотворного произведения — моноримную *касыду*, насчитывавшую несколько десятков *байтов* (в письме — строк). В сюжетном отношении каждая касыда разбивается на несколько отрезков, в которых присутствуют пять-шесть тем из обязательного их набора. Кроме касыд сохранилось много коротких стихотворений с числом байтов до полутора-двух десятков. Часть из них представляют экспромты по конкретному поводу, другие можно рассматривать либо как разработки отдельно взятых сюжетов касыды, либо как фрагменты забытых касыд.

В первые десятилетия исламской эпохи поэзия отошла на второй план, но вскоре возродилась и в Аравии, и за ее пределами. Дамасские халифы и окружавшая их знать обратились к обычаю прежних вождей племен и аравийских «царей» покровительствовать поэзии. Наиболее выдающиеся поэты VII в. создали много касыд по древним образцам, особенно

в жанрах восхваления и поношения. Тогда же в городах получила развитие любовная лирика, формой для которой послужили небольшие самостоятельные стихотворения (жанр *газал*). В бедуинской среде Аравии были поэты, воспевавшие идеальную любовь, от которой поэт и его избранница страдали и погибали. Самые знаменитые пары, как Маджнун и Лейла, стали позднее героями романтических повестей.

При всей традиционности арабская поэзия заметно обновилась по содержанию и форме в творчестве поэтов VIII—IX вв.: богаче и разнообразнее стали любовная лирика, панегирики, описания окружающей человека природной и культурной среды. Появились новые темы и жанры (этико-философские, юмористические и пародийные стихи и др.), а прежние стали более утонченными как по выражаемым чувствам и мыслям, так и по техническому исполнению. Постепенно в нее вошли религиозные мотивы и темы (выражение благочестивых и покаянных настроений и чувств, прославление деятелей ислама и т. п.). Главным внешним показателем происшедших перемен был «новый стиль» поэзии, под которым понимали образные средства на уровне поэтической лексики и поэтического синтаксиса: сравнения и тропы, подбор слов, способы украшения речи. Поэты нового направления, в большинстве своем связанные с Багдадом и аббасидским двором, после некоторого колебания были признаны обществом и вскоре стали своего рода классиками. Популяризации арабской поэзии способствовало исполнение лирических стихов певцами и певицами в музыкальном сопровождении; это было одним из главных развлечений высшего общества.

В мире арабской рукописной книги поэзия заняла видное место и по объему, и по значению. В новейшем труде по средневековой арабской письменности Ф. Сезгин [Sezgin, 1975, т. 2, с. 33—107] приводит названия и имена составителей около 300 сочинений VII—начала XI в., которые включали творения поэтов этого же времени и более древней бесписьменной эпохи; часть из них представлена рукописями, другая (около одной трети) известна только по упоминаниям. Основными видами книг, посвященных поэзии, были *диваны* и антологии. Персидским словом *диван* обозначали сборник стихотворений либо одного поэта, либо поэтов одного племени. В диване стихотворения располагали: в алфавитном порядке рифм (по последнему согласному), в порядке убывающей длины (начиная с больших касыд и кончая отдельными байтами) или по тематическим группам. Диван племени складывался из диванов отдельных поэтов, помещаемых один за другим. Впрочем, практически известен только диван племени хузайл, упомин-

нания о существовании остальных весьма смутны, хотя их насчитывают десятками и относят к очень раннему времени.

Поэтические антологии разнотипны. Здесь мы находим собрания лучших, или отборных, произведений древних поэтов («ал-Му'аллакат», «ал-Муфаддалият», «ал-Асма'ийат»); сборники типа *нака'ид*, которые объединяли сатирические стихи двух или нескольких поэтов, обращенные ими друг против друга (как поношение, насмешка и т. п.); книги о достоинствах, подвигах и о позорных качествах и деяниях разных арабских племен; тематические сборники, в которые включались целые стихотворения и фрагменты на основании самых разных содержательных или формальных признаков.

Книги по поэзии содержат только стихи или сопровождаются прозаическим текстом: предисловием составителя, биографическими сведениями о поэтах, разъяснениями обстоятельств и поводов сочинения стихов либо реальным и филологическим комментарием. Конечно же, диваны и антологии различаются по объему: от тоненькой тетрадки до большого тома или многотомника. Прозаический текст иногда имеет самостоятельное значение и по-разному соотносится с поэтическим текстом количественно; в филологических трудах стихам отводится роль иллюстративного материала. В качестве цитат они входят в исторические и географические сочинения, нередко даже в богословские и научные труды. Версифицированные сочинения в разных областях знания начали писать в VIII в.; далее их число увеличивалось.

Проза исконно арабская выступает в близком соседстве с поэзией, как сопровождающий рассказ — объяснение стихов, рассказ — предание о памятном событии. Вообще в арабской прозе преобладают разнообразные малые формы — рассказы, легенды, анекдоты, притчи, афоризмы, речи, которые в изобилии вошли в книги разного типа и содержания и которые были составлены в VIII—IX вв., в период письменной фиксации произведений устной словесности и расцвета филологии. Важным источником пополнения арабской прозаической литературы явились фольклорные произведения народов Халифата и переводы памятников персидской, сирийской и греческой литератур. Особенно емким оказался жанр «обрамленной повести», который позволял объединить разнородный литературный материал в сплошное повествование. Достаточно вспомнить сборник «Хазар афсане» («Тысяча сказок»), который был переведен на арабский в IX в. и позднее переработан в «Алф лайла ва-лайла» («Сказки 1001 ночи»).

К этой же эпохе относится возникновение жанра *адаб*.
258 В книгах по адабу стремились очертить круг знаний, необ-

ходимых и достаточных для просвещения ума и сердца, для воспитания полезного члена общества. По характеру изложения они должны были сочетать развлекательное и поучительное, художественное и познавательное. Они складывались обычно из небольших отрезков текста, в которых рассказывалось о поучительных примерах, случаях из жизни или литературы; связующим звеном служили отвлеченное моральное рассуждение и дидактическое наставление, «полезная» информация. Эти книги были адресованы представителями знати, многие из них становились достаточно популярными.

Сюжетная проза с вымышленным героем появилась в арабской литературе только в конце X в. и дала только один оригинальный жанр — *макаму*. Цикл из 50 макам, написанных рифмованной прозой и стихами, создал Бади аз-Замаан ал-Хамадани (ум. в 1008 г.), который жил в Восточном Иране. В каждой из макам главный персонаж, бродяга и плут, попадает в сложную ситуацию и при помощи какой-либо уловки изворачивается, одурачив окружающих. Объясняемые им мотивы поступков являют собой полную противоположность положительной морали серьезной литературы. С героем «неожиданно» встречается, за ним наблюдает, его речам внимает другой постоянный персонаж — рассказчик, который лишь в редких случаях сам принимает участие в действии. Место действия, маски персонажей варьируются. Макамы складываются в цепь походов и перевоплощений плута, хронологически и событийно не увязанных между собой. Надо заметить, что рассказы и анекдоты о всяких плутах, пройдохах, попрошайках встречаются в антологиях как до, так и после ал-Хамадани.

Другой крупный массив арабской письменности образовали сочинения богословско-юридические и исторические. Их развитие продолжалось по тем же линиям, которые были начаты в предыдущий период до середины VIII в. Преемственность непосредственно обеспечивалась теми авторами, которых аббасидский переворот не затронул и чьей дальнейшей деятельности не помешал.

Та ветвь богословско-коранической литературы, которая посвящена тексту Корана, его изучению, письменной передаче и воспроизведению вслух, быстро разрасталась. В течение рассматриваемого периода были написаны десятки трудов об орфографии и разночтениях самых ранних списков Корана, о разных способах его рецитации (торжественной декламации речитативом), о грамматических и смысловых вариантах отдельных выражений и слов, об «отмененных» и «отменяющих» айатах, о неподражаемости стиля Корана и различных других 259

его особенностях и достоинствах. Несомненно также, что рукописи самого текста мусульманского священного писания изготовляли во все возрастающем количестве экземпляров; его часто цитировали и на него ссылались по разным поводам.

Весь комплекс вопросов, связанных с текстом Корана и его истолкованием, рассматривался в трудах по экзегезе — *тафсирах*. Последние содержат филологические, исторические и богословские комментарии ко всему тексту слово за словом, аят за аятом, сура за сурой. Как правило, они довольно объемисты. О нескольких ранних тафсирах речь шла выше. С 750 по 1050 г. их было написано еще не менее полусотни, из них почти половина не сохранилась. Фундаментальный свод всего, что было сделано по экзегезе Корана за два с лишним столетия, представляет «Тафсир» ат-Табари (838—923). Его авторитет заслонил, очевидно, прежние труды и вытеснил их из обращения. Несмотря на громадный объем (в печатном издании 30 томов), «Тафсир» ат-Табари переписывали усердно, и потому он сохранился во многих копиях.

Как известно, учение о пророке Мухаммаде стало важной составной частью ислама, вошло в самый символ веры, в юриспруденцию и богословие, в историографию и литературу. Уже на первом этапе собирания хадисов и сунны пророка и его сподвижников было создано немало письменных произведений, но теперь количество передаваемого материала и число участвующих в передаче людей резко возросло. Это нашло выражение и в большом числе произведений, и в увеличившемся их объеме. Говорят, что в обращении находилось до полутора миллионов хадисов. Однако сборники, пользовавшиеся наибольшим признанием и авторитетом, включают их в обозримом и ограниченном количестве; так, немногим менее 30 тыс. учел Ахмад б. Ханбал (ум. в 855 г.) в своем «Муснаде». Шесть самых знаменитых сводов хадисов были составлены во второй половине IX в.: «ас-Сунан» Абу Да'уда, Ибн Маджи и ан-Наса'и, «ал-Джами' ас-сахих» ал-Бухари, Муслима и ат-Тирмизи. Из них «Сахих» (так кратко его называли) ал-Бухари почитался на втором месте после Корана. Всего же только в рассматриваемый период по крайней мере около 400 авторов написали сочинения по хадисоведению. Эта отрасль знания стала специальностью для многих людей. Со временем она разветвляется на особые дисциплины; так, например, изучение методов собирания и передачи устным и письменным путем, проверки достоверности хадисов, способов их классификации считалось основами (*усул*) хадисоведения.

В VIII—IX вв. сложились четыре основных суннитских и 260 еще несколько других направлений (или школ) исламского

законоведения (*фикха*). У истоков каждого направления (*мазхаба*) находятся основополагающие сочинения их родоначальников; в них разрабатывается примерно одинаковый круг вопросов: ритуал и молитва, налог и милостыня, пост, паломничество, война за веру, суд и присяга, похвальные и предосудительные деяния, наследование, виды собственности, торговля, залог, взаимоотношения мусульман с иноверцами и т. д. Сочинения по фикху делятся на «книги» (*китаб*), посвященные одному из этих вопросов. Число и порядок «книг», их соотношение и детализация варьируются, так же как варьируются изложение, доказательства, примеры.

Уложения законов мусульманские государства не знали, поэтому сочинениям по фикху придавалось особое значение; их число очень велико, каждая из суннитских, шиитских и других школ фикха успела создать их по несколько десятков уже к середине XI в. По числу копий сочинениям по фикху всегда принадлежало одно из первых мест. Состав почти каждого собрания арабских рукописей в наши дни прекрасно иллюстрирует справедливость этого положения.

Богословие сравнительно поздно выделилось из перечисленных «исламских наук» в самостоятельную область, но в VIII—IX вв. представлено некоторым количеством авторов и сочинений; особенно много их было, очевидно, у му'тазилитов (представителей особого течения рационалистической теологии), но они плохо сохранились. В рукописях известны труды основоположника суннитской (или «ортодоксальной») догматики ал-Аш'ари (ум. в 935 г.) и его последователей (ал-Матуриди, ал-Бакиллани и др.), а также шиитских theologов (имамитская ветвь шиитской теологии с большим успехом разрабатывалась в X—начале XI в. и дала много сочинений).

На почве народных верований и гностицизма возник мусульманский мистицизм, принимавший различные формы; его сторонников называли *суфиями*. От ранних аскетов и суфиев до нас дошли только афоризмы, речи и отдельные стихи, но известно, что уже начиная с IX в. среди них были книжники и авторы многочисленных мистических трактатов. До середины XI в. их насчитывается около двух десятков, а сочинений — около двух сотен.

По происхождению и идейным установкам арабская историография связана и с фольклорно-литературной традицией, и с богословско-кораническим комплексом. Главным предметом исторических трудов была история исламской общины, выраженная в действительности ее политически и интеллектуально активной части. К этому добавились народные предания доисламской Аравии, легендарная история древних пророков и 261

персидских царей. В целом для средневекового арабо мусульманского общества характерны вполне определенные формы исторического самосознания, четкое летосчисление по лунному календарю, преемственность историографической традиции.

Большая работа по сбору и классификации преданий и фактического материала по истории Аравии и ранней исламской общины была произведена хадисоведами и филологами VIII в., однако их труды сохранились лишь в обработке и передаче более поздних авторов. От первой половины IX в. до нас дошел ряд исторических сочинений: жизнеописание пророка Мухаммада, сборник биографий его сподвижников и видных деятелей ислама второго поколения, своды преданий различных групп арабских племен, монографии об отдельных крупных событиях и военных походах. В основном это книги Абу Мihnафа, Ибн Исхака и Ибн Хишама, ал-Вакиди, Ибн Са'да, ал-Мада'ини.

Создание трудов более широкого плана, в которых разнообразные материалы предшествующих авторов объединены в связное историческое повествование, относится ко второй половине IX в. (ал-Балазури, ад-Динавари и ал-Йа'куби). Ранний период арабской историографии завершает «Тарих ар-русул ва-л-мудук» («История пророков и царей») ат-Табари (ум. в 923 г.) — огромный свод исторических и псевдоисторических материалов, который стал наиболее авторитетным трудом по истории исламских стран и народов первых трех веков хиджры. Было написано несколько «продолжений» труда ат-Табари. В IX в. создаются труды по истории отдельных регионов — государств, стран, городов.

Ранними образцами биографической литературы явились жизнеописания Мухаммада и перечни «разрядов» (*табакат*) его последователей в двух-трех поколениях, авторитетов в области хадиса и сунны (первый опыт принадлежит Ибн Са'ду, умершему в 844 г.). В дальнейшем были написаны как биографии отдельных лиц, так и своды биографий. В X в. составляются скромные собрания биографий грамматистов (ас-Сирафи) и врачей (Ибн Джулджул), судей Египта (ал-Кинди) и Испании (ал-Хушани); большое количество биографий поэтов и певцов включает многотомная «Китаб ал-агани» («Книга песен») Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (ум. в 967 г.). Биографические сведения о разных лицах, прославившихся в той или иной области науки или социально-политической деятельности, входили в самые различные книги. Некоторые придворные историографы уже в X в. начали сводить свои труды к биографиям членов династии, которой они служили, в своего рода биографические

В арабской историографии возникали и своеобразные труды, которые оставались одиночными или имели мало подражаний. Таковы историческая энциклопедия Ибн Кутайбы (ум. в 889 г.), «ал-Асар ал-бакийя» («Хронология народов») и «Тахрир мали-л-хинд» («Индия») ал-Бируни (ум. в 1048 г.) и история христианских монастырей мусульманского автора аш-Шабушти (ум. ок. 998 г.).

Переводы с других языков на арабский продолжались во второй половине VIII в. более быстрыми темпами, все возрастая по количеству. Переводные письменные памятники отражали, естественно, опыт и традиции разных цивилизаций, порой очень далеко отстоящих от арабо-мусульманской цивилизации во времени и в пространстве. Этот пласт арабских рукописных книг состоял из сочинений по философии, географии, астрономии, космографии и математике, теории музыки, алхимии и прочим оккультным наукам, медицине, ветеринарии, фармакогнозии, ботанике, зоологии, минералогии и некоторым другим.

При первых аббасидских халифах (начало второй половины VIII в.) был переведен ряд произведений персидско-индийского круга по медицине, астрономии и математике. Планомерная работа по переводу научных трудов была организована при халифах Харуне ар-Рашиде и особенно при его сыне ал-Ма'муне в начале IX в. Для этих целей была создана коллегия переводчиков при столичном «Доме мудрости», как раз тогда учрежденном. Здесь работали Хунайн б. Исхак, его сын Исхак б. Хунайн, Хубайш б. ал-Хасан, Сабит б. Курра, 'Иса б. Йахйя. Были еще другие переводчики, которые действовали в тот же период и несколько позже в Багдаде и вне столицы. Благодаря трудам переводчиков произошла языковая метаморфоза громадного объема накопленных знаний, большого числа литературных и научных произведений, которые были унаследованы и переняты от многих этносоциальных коллективов и религиозных общин.

Центральное место в освоенном через переводы эллинистическом наследии принадлежало философии, в которой господствовал аристотелизм. «Органон» Аристотеля вместе с комментариями различных авторов, особенно Александра Афродисийского, труды Галена, Птолемея, Иоанна Филопона, Плотина, Порфирия Тирского — вот основное, что было переведено на арабский. Имена многих греческих философов стали известны через ближневосточную христианскую традицию, по цитатам, фрагментам и переложениям у других авторов. Немало было переведено псевдоэпиграфов, различных компиляций и анонимных сочинений.

Греческая философия, воспринятая с энтузиазмом, оплодотворила различные области арабской науки, литературы и богословия, способствовала появлению ряда поколений ученых с философским складом ума. Большинство трудов ранних мусульманских философов-рационалистов было, очевидно, уничтожено. Первым арабским философом считается Абу Йусуф Иа'куб ал-Кинди (ум. ок. 870 г.), пытавшийся осветить широкий круг вопросов, которыми занималась греческая наука. Он был современником всех значительных переводчиков этого периода и имел возможность из первых рук знакомиться с результатами их работы. Ал-Кинди и сам знал греческий и сирийский языки, кое-что переводил самостоятельно. Он искал пути примирения между собой противоречивых греческих учений и заложил направление, в котором развивалась вся мусульманская философская мысль, т. е. восточный перипатетизм. Следующим шагом было примирение греческой философии с религиозной доктриной ислама — этим были озабочены все. «Вторым [после Аристотеля] учителем» был признан ал-Фараби (ум. в 950 г.), автор ряда трактатов по физике, метафизике, логике и этике, философ, который придал восточному перипатетизму систематизированный вид [Сагадеев, 1980, с. 54]. Энциклопедический труд философского характера был создан группой авторов из Басры в конце X в. Были написаны также специальные трактаты о знании, его пользе и ступенях, труды по классификации и систематизации наук, ранними образцами которых являются «Мафатих ал-'улум» («Ключи наук») ал-Хваризми и труд Ибн Фаригуна (X в.) «Джавами' ал-'улум» («Собрания наук»). Своеобразный итог раннему этапу развития философии подвел Абу 'Али Ибн Сина в своей энциклопедической «Китаб аш-шифа» («Книге исцеления»).

Две основные линии арабской географической литературы, математическая и описательная, породили несколько типов сочинений: лаконичные таблицы (*зидж*) с определением положения стран и населенных пунктов и с теоретическим введением и пояснениями; последовательное описание «путей и стран (или государств)», маршрутов почтовых и торговых путей; описания конкретных путешествий; сводные труды смешанного характера (т. е. содержащие как теоретическую часть с данными о долготах и широтах, так и описательную) в форме описания населенной части земной поверхности. Основополагающее значение для арабской географии имели труды Птолемея и индийские таблицы, но ученые Халифата внесли в географию огромный вклад и развили дальше, не столько в теоретическом, сколько в практическом плане. Важнейшие труды, обычно уместающиеся в одном-двух томах (большой семитом-

ный свод ал-Джайхани не сохранился), приходится на IX—XI вв. (они и составили знаменитую «библиотеку арабских географов»).

Содержание арабской географической литературы кратко и емко охарактеризовано И. Ю. Крачковским: «описание всех стран от Испании до Туркестана и устья Инда с обстоятельным перечислением населенных пунктов, с характеристикой культурных пространств и пустынь, с указанием сферы распространения культурных растений, мест нахождения полезных ископаемых...», физико-географических и климатических условий, а также быта, промышленности, культуры, языка, религиозных учений; сведения не ограничивались «областями халифата и значительно выходили за пределы известного грекам мира... она дает такой комплекс материала, подобного которому в эту эпоху нигде найти нельзя» [Крачковский, 1957, с. 21—24].

Математика и астрономия, основанные главным образом на переводах Евклида, Птолемея и индийских сиддханта, были и оставались в Халифате практически направленными. Они состояли из небольших по объему сочинений и в арабской книжной продукции занимают скромное место. Арифметические главы обязательно входят в тот раздел сочинений по фикху, где рассматриваются вопросы наследования и раздела имущества. С астрономией и счетом связаны произведения, посвященные лунному календарю, определению времени молитв и поста, направления Каабы, куда молящемуся полагалось обращаться лицом. Математический и астрономический разделы входили в состав общепhilософских трудов, в которых излагалась аристотелевская система в целом. Разумеется, географические, космографические и энциклопедические сочинения уделяли некоторое внимание математике и астрономии.

Музыке по греческой традиции отводилось место в философских трудах, она была представлена также отдельными небольшими трактатами. Истории арабской музыки и пения посвящена знаменитая антология Абу-л-Фараджа ал-Исфাহани «Книга песен».

В число переводов с разных языков входили сочинения по алхимии, астрологии, магии, кабалистике, гаданию, толкованию снов, физиогномике и т. п. У истоков этих знаний на арабском языке стоит загадочная фигура Джабира ибн Хайяна (VIII в.), на которого потом многие ссылались; немало сохранилось и текстов, ему приписываемых; большинство европейских арабистов склонны признать их псевдоэпиграфами, но ряд мусульманских исследователей настаивают на их подлинности. Арабская литературная продукция, посвященная оккультным во-

просам, весьма обширна, хотя зачастую скрыта в недрах обычных сочинений. Наиболее проникательные ученые (ар-Рази и др.) старались отмежеваться от оккультизма, объявляя его абсурдом. С другой стороны, чернокнижие и магия не одобрялись ортодоксальными кругами. Но суеверия и ожидание чуда были широко распространены, некоторые элементы оккультизма нашли открытое признание, особенно в связи с успехами суфизма. По толкованию сновидений признанными авторитетами считались Мухаммад б. Сирин (ум. в 728 г.) и Джа'фар ас-Садик (ум. в 765 г.); самое раннее сохранившееся сочинение было написано для халифа ал-Кадира в Багдаде в 1006 г. Абу-Са'идом ад-Динавари.

Медицина как область практических знаний, естественно, высоко ценилась, и медицинские сочинения переводили особенно охотно. Большой популярностью пользовались переводы Гипократа и Галена (или приписываемые им сочинения), труды врачей и переводчиков IX в. Первым крупным ученым, который занимался самостоятельной исследовательской работой и клинической практикой в Рее и Багдаде, был ар-Рази (ум. в 925 г.). Его медицинская энциклопедия «ал-Хави» («Всеобъемлющий») объединяла в себе содержание многих десятков монографий и трактатов античных, византийских, индийских, сирийских, персидских авторов, равно как опыт врачей Джундишапура и Багдада, а также его собственную практику; ему принадлежит еще ряд монографий. Впоследствии прославились врачи и философы X—XI вв. 'Али ал-Маджуси, Ибн Джазла, Ибн Бутлан, Ибн Сина и др.

Основные типы медицинских трудов: энциклопедии типа «ал-Хави» и «ал-Канун»; трактаты об отдельных болезнях, их симптомах и лечении, об общих свойствах человеческого организма (темпераментах, соках, смесях и пр.); алфавитные перечни лекарств и снадобий, трав, мазей; краткие компендии — практические руководства для врачей.

По зоологии и ветеринарии авторитетами считались Гиппократ, Аристотель и Аполлоний Тианский, а также сочинения арабских филологов в жанре тематических словарей; большой материал сведен в «Китаб ал-хайаван» («Книге о животных») знаменитого писателя ал-Джахиза (ум. в 889 г.). Труды по ветеринарии рассматривают в основном вопросы лечения верблюдов и коней, а также охотничьих птиц.

Арабская ботаника тесно связана с фармакогнозией; она начинается с перевода труда Диоскорида (I в.), выполненного в Багдаде в середине IX в. и в Кордове спустя столетие. Описания растений с точки зрения их лечебных свойств встречаются

филологического сочинения был, видимо, Абу Ханифа ад-Динавари (ум. в 895 г.).

Специальных минералогических сочинений на арабском языке было немного. Широкое хождение получила «Китаб ал-ахджар» («Книга о камнях»), приписываемая Аристотелю; она была написана в IX в., как и несохранившиеся сочинения ал-Кинди, ал-Джахиза и некоторых других; все они, несомненно, основаны на переводах с греческого и сирийского. Ценный свод сведений, дополненный собственными наблюдениями и исследованиями, принадлежит ал-Бируни. О минералах и особенно о драгоценных камнях, в которых искали целебные и магические свойства, писали в медицинско-фармакологических и алхимических сочинениях, географиях и энциклопедиях, их воспевали в поэзии.

Совсем единичными сочинениями представлены на раннем этапе развития арабской письменности такие сферы деятельности человека, как ремесла, земледелие и агрономия, военное дело, игры, изготовление ароматических веществ, кулинария и др.

Надо, конечно, учитывать, что переводные сочинения недолго имели хождение в том виде, в каком они вышли из-под пера переводчиков, в редких случаях жили много веков (лишь некоторые сохранились до нас в рукописях). В большинстве они подвергались переработке с добавлением арабо-мусульманского опыта, инкорпорировались в новые книги, которые в конце концов и ытесняли их из обращения. Однако память о разном происхождении двух групп наук не исчезла, их деление на свои и чужие, арабо-мусульманские и иноземные (или «науки древних»), оставалось в силе. «Науки древних» были адаптированы с разной степенью интенсивности, в зависимости от этого составили более или менее обширный раздел арабской книжной письменности.

Таким образом, за первые четыре века существования арабо-исламского государства, начиная буквально с нуля, была создана обширнейшая и разнообразная книжно-письменная литература, которую составили идеологические, научные и художественные произведения многих десятков и сотен авторов [см.: Brockelmann, 1898—1949; Sezgin, 1967—1979; Халидов, 1982 (II)]. Повторим, что переводчики и авторы по своему этническому происхождению были не только арабами, а по конфессиональной принадлежности — не только мусульманами, но все писали по-арабски. Многие из них были двуязычными, их потомки во втором или третьем поколении целиком перешли на арабский язык и обрели новое самосознание, а память об их прошлом осталась лишь в биографических заметках об их предках.

Падение Омейядов и утверждение Аббасидов в середине VIII в. — не просто смена династий и столицы (Багдад вместо прежнего Дамаска), а важная историческая веха. Все социально-исторические причины и следствия этого большого события не могут здесь рассматриваться, но следует отметить, что одним из существенных аспектов того народного движения, на волне которого к власти пришла новая династия, явился протест против особых привилегий арабов, основанных на праве завоевания. В результате достигнутого компромисса начался новый этап интеграции исламского общества, когда ряды господствующих классов перестроились, состав правящего слоя изменился, принципы их формирования (заслуги перед исламом и государством и т. п.) были подвергнуты пересмотру. После истребления Омейядов и их приверженцев, прекращения выплат из казны арабским племенам доступ к командным должностям и распоряжению государственными доходами получили новые группировки арабской знати и — главное — большие группировки неарабской знати, ведущая роль среди которых принадлежала выходцам из восточных провинций (Хорасана и др.).

Также к середине VIII в. положение на границах Халифата стабилизировалось, более чем столетнее продвижение арабских армий захлебнулось, завоевательные походы сменились боями местного значения. На первый план выдвинулись внутренние отношения в государстве, классовая борьба, соперничество различных группировок за власть и присвоение общественного богатства.

В исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знания как одного из условий веры. Это способствовало довольно раннему и интенсивному развитию богословско-филологических дисциплин, нашедших воплощение в большом количестве письменных произведений; в их создании вместе с арабами принимали участие выходцы из различных этноконфессиональных общин, которые обратились в ислам и усвоили арабский язык. В позднеомейядское и раннеаббасидское время приток лиц неарабского происхождения в интеллектуальные сферы деятельности резко возрос. Зачастую именно они были лучше к ней подготовлены и находили покровителей среди правящей верхушки, состав которой теперь был также очень пестрым.

В изменившихся условиях традиционные отрасли знания были не только приумножены, но и во многом переосмыслены и разработаны на новом уровне. Кроме того, как мы видели, возник спрос на прежде почти неизвестные знания — медицинские, математико-астрономические — и их практическое при-

персы, евреи, индийцы, перешедшие в ислам или оставшиеся при своей вере, предлагали свои услуги в качестве врачей, астрономов, переводчиков. Новая арабская и арабизованная знать всячески им покровительствовала, поощряла и оплачивала их работу.

После аббасидского переворота продолжалась деятельность ряда богословов, хадисоведов, юристов, филологов, которые стали служить новой династии или, как прежде, вели независимую жизнь на доходы от какой-либо торгово-ремесленной профессии или от имущества. Прежние центры (Медина, Басра, Куфа, Дамаск) сохраняли свое значение, но наметилась тенденция к переселению в основанную в 762 г. столицу — г. Багдад. Поднялось значение городов восточных областей Халифата, которые пополнили контингент мусульманских ученых: Нишапура, Балха, Байхака, Бухары, Самарканда, Мерва, Рея, Шираза, Хамадана и др. Больше ученых появилось также в Химсе, Халебе, Иерусалиме, Фустате.

Литературная и научная деятельность на арабском языке привлекла лучшие умы и таланты большого числа стран и народов. Для ее поддержки и поощрения предоставлялась значительная часть поистине громадных материальных ресурсов такого богатого государства, каким был Багдадский халифат. Со всех его концов честолюбивые молодые люди устремлялись в столицу «в поисках знания» и нередко находили щедрых покровителей в лице халифов и их окружения. Наместники крупных областей старались подражать своим сюзеренам в покровительстве поэтам и ученым. А когда провинции Халифата стали отпадать от него, превращаясь в вассальные, полувассальные или совершенно независимые государства, то в их столицах и крупных городах также велась литературная и научная работа, пусть меньшего объема и размаха, чем в Багдаде. Еще в начале VIII в. появились отдельные богословы и филологи в Египте и Иране. Как мы видели, в IX—XI вв. их стало много в Мавераннахре и Хорасане, Центральном и Западном Иране, Закавказье и Месопотамии, Сирии и Палестине, Египте и Северной Африке. Даже не признавшие Аббасидский халифат Омейядское государство в Испании и хариджитские и шиитские государства Марокко культивировали те же отрасли литературы и науки, что и всюду в арабо-мусульманском мире: Если раньше ученые книжники и поэты совершали путешествия, то теперь их маршруты становятся более дальними и разнообразными, они свободно едут из Испании и Хорасана в Аравию и Багдад и т. п.

Результатом описанных выше процессов и очень разнообразной идеологической, литературной и научной деятельности 269

явилось громадное количество арабских рукописных книг. И сама арабо-мусульманская культура, по крайней мере культура высших социальных слоев («элиты»), приобрела ярко выраженный книжный характер. Одно из разительных отличий арабской письменности от других, ей предшествовавших или сопутствовавших, заключается именно в том, что она превзошла их по различным показателям и характеристикам: по числу авторов и произведений, по числу рукописных копий наиболее популярных книг, по доступности книг широкому кругу читателей (конечно же, если проводить сравнения в рамках древности и средневековья, но не с эпохой печатной книги и всеобщей грамотности), по обращению рукописной книги на необъятной территории с многомиллионным населением.

Еще в первой половине VIII в. упоминаются специальные книжные лавки и торговые ряды в Басре, переписчики книг за плату и переписчики-книготорговцы, личные книжные собрания и дворцовая библиотека Омейядов в Дамаске. Теперь же, т. е. со второй половины VIII и по первую половину XI в., все данные количественно возрастают и пространственно относятся к разным областям. Имена переписчиков и книготорговцев исчисляются десятками; растет число частных и дворцовых библиотек, книжных базаров, и встречаются они во многих названных выше городах. Конечно, Багдад стоит на первом месте по приводимым в источниках цифрам. В конце X—начале XI в. появляются первые публичные библиотеки, которые наряду с некоторыми дворцовыми у ряда династий насчитывают по 10 тыс. и более томов рукописных книг [Eche, 1967]. Разумеется, выше мы назвали лишь немногие имена выдающихся авторов или сочинений; если бы понадобилось только перечислить их все, то потребовался бы объемистый справочник. Впрочем, в недрах самой арабской традиции рано возник интерес к библиографии, и один важнейший библиографический справочник был составлен в Багдаде уже в 987 г. — это знаменитый «Фихрист» Ибн ан-Надима; но, как выясняется, по охвату авторов и сочинений он был далеко не исчерпывающим.

От всех книжных богатств раннего периода до нашего времени дошло (если учитывать только рукописные книги, датированные перепиской до середины XI в.) не более сотни томов! От VIII в. мы имеем только фрагменты, от IX в. — меньше десятка томов, от X в. — около 20 томов и от первой половины XI в. — несколько десятков томов (точные подсчеты еще не произведены). Что же касается сочинений первых четырех веков мусульманской эры, то их, конечно, сохранилось гораздо больше: либо в более поздних рукописных копиях, либо в составе книг, созданных в последующие столетия. Однако многие

сотни (может быть, тысячи) сочинений известны нам только по упоминаниям.

В рассмотренный период были заложены основы всех наук, известных арабо-мусульманскому миру, почти все направления литературы и общественной мысли. Поэтому для последующих эпох обзор можно продолжить по намеченным выше линиям. Правда, полицентризм культурной жизни, вызванный феодальной раздробленностью, допускает иной подход — рассмотрение истории арабской книжно-письменной литературы по отдельным странам и регионам. Омейядский халифат (661—750) считается централизованным государством, хотя и в нем отдельные наместники правили почти независимо либо из-за удаленности наместничества от столицы (Марокко, Испания), либо из-за близости наместника к правящему халифу (например, 'Абдал'азиз в Египте); были и не признавшие центральное правительство хариджитские лидеры, которые закреплялись надолго в какой-нибудь области. Аббасидский халифат не смог установить свою юрисдикцию на всей территории государства, его не признали хариджиты, испанские Омейяды, некоторые достигшие власти шиитские лидеры. Уже с середины IX в. некоторые наместничества обнаружили тенденцию к самостоятельности, а наместники стремились передавать власть наследникам из своего рода; к концу века Хорасан и Египет признавали власть халифа лишь номинально. В X в. феодальная раздробленность развивалась еще более ускоренными темпами, обособились государство Тулунидов в Египте, затем — Ихшидидов и Фатимидов в Египте и Северной Африке, Саманидов — в Мавераннахре и Хорасане, хорезмшахов — в Хорезме, Саффаридов — в Систане, Буидов — в Иране и Ираке и т. п. Множились династии, их государства расширялись за счет завоеваний, дробились после смерти основателя династии, угасали вследствие военных поражений и т. д. Каждая династия стремилась укрепить свой авторитет, украсить свою столицу, привлечь в нее поэтов и ученых, врачей и архитекторов, богословов и судей. Соответственно возвышался и приходил в упадок то один, то другой город.

Но книжная традиция всюду оставалась единой, опиралась на достижения Багдада и центральных областей Халифата в VIII—IX вв. Преемственность сохранялась в языке и письме, в литературных жанрах и стилях, в направлениях общественной мысли и разновидностях книг, в основных идеях и отраслях науки и т. д. Ислам дробился на секты и течения, но основными авторитетами для них по-прежнему служили Коран, тафсиры, сборники хадисов IX в., труды основателей мазхабов фикха, богословские и догматические сочинения X в. Идеологи и 271

ученые каждой секты лишь по-своему истолковывали частности и детали, создавали новые сочинения по прежним образцам. Династии менялись из века в век, но основными сочинениями по политике, государственному устройству, освоению исторического опыта оставались прежние. Тем более научные труды всюду были в ходу одни и те же. Вдобавок и новые произведения циркулировали повсеместно, преодолевая с легкостью границы государств и замкнутость сектантских организаций. По этим причинам лучше продолжить дальнейший хронологический обзор арабской письменности не по регионам, а для мусульманского мира в целом. Хотя, конечно, локальные особенности возникали везде, так же как мазхабы и секты сохраняли своеобразие в наборе книг, несмотря на пространственную и временную разобщенность.

Однако, прежде чем перейти к следующему периоду, необходимо уделить некоторое внимание проблеме зарождения рукописной книги на арабском языке у христиан и у иудеев. Дело в том, что процесс распространения арабского языка, разговорного и литературного, затронул не только ту часть населения Халифата, которая приняла ислам и вошла в состав мусульманской общины. В этот процесс, длительный и дававший необратимые результаты, были вовлечены постепенно и те слои населения, которые принадлежали к иным конфессиональным общинам, сохранили свое традиционное вероисповедание и свою церковную организацию. Главным образом это относится к христианам Месопотамии и Ирана, Сирии, Палестины и Египта. Уже к концу VIII в. в монастырях Южной Палестины и Синая появляются первые богослужебные и церковные книги на арабском языке.

Таким образом, мы оказываемся перед парадоксальным на первый взгляд фактом: обширная и разнообразная христианская письменность на арабском языке сложилась после победы ислама, в эпоху наивысшего могущества мусульманского государства. По преимуществу ее создали арабизованные в языковом отношении христиане Ближнего Востока, этнический состав которых был довольно пестрым; среди них преобладали сирийцы (арамеи), персы и копты, хотя в числе прочих меньшинств были и арабы. Но им не принадлежала сколько-нибудь заметная роль в создании христианской литературы на родном языке, притом что христианство у арабов имело к тому времени многовековую историю.

На протяжении хронологического периода примерно в полтысячелетие некоторая часть оседлых и кочевых арабов обратилась в христианскую веру, однако их количественное соотношение с основной массой арабов, которые и к началу VII в.

оставались приверженными своим языческим культам, не удается установить из-за отсутствия данных. Употребление арабского языка в богослужении, церковном и монастырском обиходе, а также для перевода Писания было, очевидно, крайне ограниченным ¹. В VII в. и позднее арабы-христиане пополняли ряды мусульман, а остальные со временем перестали отличаться от своих единоверцев, переходивших на арабский язык ².

Христианская арабская литература была, естественно, прямым продолжением той литературы, которая наличествовала у восточнохристианских общин до их перехода на арабский язык, поскольку она была прежде всего переводной. Если попытаться определить ее состав простым перечислением видов и жанров, то он будет следующим: Ветхий и Новый завет; апокрифы и псевдэпиграфы; патристика; агиография; церковный канон; литургика; церковная история; полемика и апологетика; экзегетика; мораль и аскеза; гомилии и проповеди; теология и философия. Однако при всем единообразии христианской литературы существовали определенные различия в репертуаре книг каждой вероисповедной общины. Эти различия усугублялись далее в оригинальной арабской литературе, которую начали создавать одновременно с переводной. К тому же христиане разных вероисповеданий не в равной степени перешли на арабский язык: у православных разрыв с греческим языком очень скоро стал весьма ощутимым, копты со временем стали целиком арабоязычными, а сирийцы моно-

---

¹ Арабы «римской провинции Аравии» познакомились с христианским вероучением еще на раннем этапе его становления, вероятно уже со II в. Нескольким позже, в IV—VI вв., христианство стало проникать к арабам Месопотамии и глубинных областей Аравийского полуострова.

Гассанидское и Лахмидское государства покровительствовали христианству, и на землях племен, подконтрольных им или союзных с ними, строились монастыри. Арабы христианского вероисповедания проживали в городах и селениях Сирии и Палестины, Приевфратья (например, в Анбаре и Хире), Хиджаза, Южной Аравии, Омана, Бахрейна, Йемена. Почти всюду были церкви, среди духовенства и монашества упоминаются отдельные лица арабского происхождения. Ряд кочевых племен и племенных союзов целиком или частично считались христианскими. Церковные расколы прямо коснулись и арабов, среди которых были как православные (мелкиты), так и монофизиты и несториане. Организационное оформление сирийско-монофизитской церкви как яковитской в значительной мере обязано той поддержке, которую оказал ее основателю, епископу Эдесскому Якову 'ал-Барада'и, византийский патриций и гассанидский «царь» ал-Харис б. Джабала (528—569).

² Только в редких случаях мы знаем об этническом происхождении тех или иных деятелей христианской арабской литературы, так как тогда отдавали приоритет вероисповедной принадлежности и лишь о ней сообщали. Имена же собственные, например взятые сами по себе, не всегда отчетливо выражают этнический признак.

физиты и несториане всегда оставались двуязычными, сохранив сирийский язык в качестве языка культа. Отсюда происходила неодинаковая потребность в переводной и оригинальной литературе на арабском языке у разных церквей.

У истоков каждой из ветвей христианской арабской литературы стоят колоритные фигуры — Феодор Абу Курра (конец VIII—начало IX в., примерно до 840 г.) у православных мелкитов, Абу Ра'ита Хабиб б. Хидма (IX в.) у яковитов, Север б. ал-Мукаффа' (X в.) у коптов, а у несториан — католикос Тимофей I (780—823), члены семьи Бахтишу' (VIII—X вв.) и Хунайн б. Исхак (806—873). Наиболее значительным лицом среди них является Феодор Абу Курра — он был родоначальником арабской христианской литературы вообще, и его литературная деятельность имела значение для всех восточных церквей. Следует заметить, что территориально и особенно в литературной и идеологической жизни четыре христианские вероисповедные общины зачастую соприкасались и не отгораживались друг от друга, арабский язык стал для них дополнительным фактором взаимопонимания и общения, и они многократно обменивались литературными произведениями, хотя в то же время соперничали и полемизировали между собой.

Христианская арабская литература не только началась с переводов, но и непрерывно пополнялась за счет переводов на протяжении веков, вплоть до нового времени. Ее состав определялся поэту как старым литературным достоянием, так и вновь создаваемой литературой на греческом, сирийском, коптском, древнееврейском и латинском языках, с которых и делались арабские переводы. Почти одновременно с самыми ранними переводами появились сочинения христианских авторов, которые были написаны непосредственно на арабском языке.

Первое место в переводной литературе принадлежит Библии, из которой на арабский язык прежде всего были переведены евангелия и Псалмы. Поскольку переводы — они вызывались потребностями литургии — выполнялись главным образом в монастырях, то каждый монастырь, может быть, даже каждое поколение в пределах одного и того же монастыря имели свою особую форму переводного текста. А когда писаное слово было принесено в богослужение и религиозное наставление в монастырской пастве, множественность вероисповеданий и церковных уставов также способствовала обилию и разнообразию версий библейских текстов. Оригинал для арабских переводов служили тексты на разных языках: на древнееврейском (Пятикнижие) и коптском у коптов, на греческом и сирийском у мелкитов, яковитов и несториан. Переводы много раз пересматри-

таки на основании различных оригиналов. Все это привело к необычайному богатству библейских текстов на арабском языке.

Древнейшие сохранившиеся образцы арабских переводов Библии, в виде фрагментов, происходят из палестинских монастырей (один фрагмент — из Дамаска). Все они выполнены мелкитами-сирийцами. По именам известны такие переводчики, как пресвитер 'Алам из Александрии, епископ Феофил б. Тауфил из Каира, диакон 'Абдаллах б. ал-Фадл из Антиохии. Только по упоминаниям мусульманских источников X в. мы знаем о полных переводах Библии, которые были сделаны в IX в.: Ветхий и Новый завет перевел при ал-Ма'муне мусульманин Ахмад б. 'Абдаллах б. Салам, всю Септуагинту — Хунайн б. Исхак. Какие-либо следы реального существования обоих переводов не обнаруживаются. Отдельные книги Библии были переведены также учеными яковитами и несторианами (Багдад, IX—XI вв.). У коптов наряду с литургическими книгами, в которых коптский текст сопровождался вспомогательным арабским переводом, возникли также двуязычные книги отдельных частей Писания; существование у них перевода евангелий («египетской вульгаты»), получившего впоследствии официальное признание, прослеживается уже с X в. Особняком стоит перевод евангелий со старолатинского в Кордове в X в.

Лекционари, представлявшие своды отрывков ветхозаветных и новозаветных писаний, были столь же разнообразны, сколь различались церковные уставы у разных вероисповедных общин.

Древние литературные произведения апокрифического типа, теологические сочинения, писания «отцов» церкви, агиографические памятники, каноническая и литургическая литература — все это переводилось, пересказывалось и перерабатывалось по-арабски в значительных количествах начиная с раннего периода, но тем не менее по количеству (нередко и по качеству) уступало источникам заимствования, т. е. греческой, сирийской и коптской христианской литературе.

То, что создавалось по-арабски, продолжало и развивало те жанры и сюжеты, какие были представлены в переводах традиционной христианской литературы, но модифицировалось в соответствии с потребностями и запросами духовной жизни восточнохристианских общин на данном историческом этапе, при конкретных обстоятельствах. Немаловажной была, конечно, и арабская языковая форма.

Мелкитские сочинения, создававшиеся на арабском языке, несут на себе почти сплошь догматико-апологетико-полемический отпечаток. В защиту и оправдание православия писали 275

Феодор Абу Курра и многие другие ранние авторы — Куста б. Лука, пазванные выше 'Алам, Феофил б. Тауфил и 'Абдаллах б. ал-Фадл, а также Антоний, Абу 'Али Назиф б. Йумн, монах Никон. Полемика мелкитов была направлена главным образом против ислама и его последователей, затем уже против монофизитов и других инаковерующих (иудеев, отступников от христианства). Мелкитские авторы создали также христианскую историографию на арабском языке по образцу византийских хронографов. Патриарху Александрийскому Евтихию (877—940) наряду с кратким сводом ветхозаветной и церковной истории принадлежат ценные анналы политической истории Халифата. Его современник Агапий, епископ Манбиджский, составил всемирную историю. Йахйа б. Са'ид б. Йахйа ал-Антаки (XI в.) продолжил анналы Евтихия.

Оригинальная арабская литература сирийцев-монофизитов также имеет почти исключительно апологетико-догматический характер. Сочинения ее родоначальника Абу Ра'иты обращены против мусульман, иудеев и сторонников православия. Знаменитый багдадский философ Йахйа б. 'Ади (893—974) поставил свои обширные знания на службу христианской догматике и защите христианской веры вообще. Среди его учеников и последователей были теологи, философы, врачи. Систематическое изложение яковитской догматики, этики и культа дал в первой половине XI в. Йахйа б. Джарир.

Сирийцы-несториане принимали наибольшее участие в переводческой деятельности на арабский язык, особенно это касается перевода философского и научного наследия эллинистической эпохи. В области же собственно христианской письменности на арабском языке и у несториан преимущественное внимание уделялось апологетике и полемике. Кроме католикоса Тимофея I здесь выделялись Йуханна б. ас-Салт, епископ Кашкарский Исра'ил и Хунайн б. Исхак, несколько позднее — 'Абдалмасих ал-Кинди (X в.), резко нападавший на исламское учение, Джибра'ил б. 'Убайдаллах, Абу-л-Хайр б. ал-Хаммар, Абу-л-Фарадж 'Абдаллах б. ат-Таййиб (ум. в 1043 г.) и его ученики. Ряд авторов обращался также к антииудейской полемике. Несторианские ученые внесли вклад в библейскую экзегетику, писали сочинения этико-аскетические, церковно-правовые, историко-хронологические, филологические.

Если в IX—XI вв. христианская литература на арабском у мелкитов, яковитов и несториан быстро развивается и переживает расцвет, то у коптов она только зарождается благодаря деятельности Севера б. ал-Мукаффа' (X в.), епископа ал-Ашмунайна. В своем литературном творчестве он был озабочен религиозным наставлением своего народа, разъяснял важней-

шие положения вероучения, св. Писание, бытовые нормы, литургию и церковную историю (написал историю Александрийского патриархата). В апологетико-полемическом духе писали также неофиты коптской церкви, отступник от ислама ал-Вадих б. Раджа' и бывший иудей 'Абдаллах ал-Исра'или.

С самого появления христианской книжности на арабском языке довольно четко обозначились существенные различия между нею и книжностью мусульманской. Христианские книги в основном создавались в монастырских скрипториях и хранились в монастырских библиотеках; ими пользовались исключительно духовенство и монашество. Социальная база созидания, хранения и воспроизводства рукописной книги у мусульман была значительно более широкой. Надо заметить также, что монастырские стены содействовали лучшей сохранности христианских арабских рукописных книг, несмотря на неоднократные захваты и разорения монастырей. Их образцы, дожившие до наших дней, для IX—X вв. представлены едва ли не богаче, чем образцы книг мусульманских.

В еврейских общинах Ближнего Востока в X в. также появляются ученые, которые приобщаются к арабскому языку и литературе. Они пишут по-арабски, переводят на арабский с древнееврейского, но главным образом переводят с арабского на древнееврейский философские, научные и литературные произведения, используют богатый уже опыт арабской филологии для создания грамматик и словарей древнееврейского языка. Одним из первых среди них был египтянин Саадия Гаон (892—942), который дал арабский перевод Пятикнижия, ставший употребительным у коптов, и толковый словарь древнееврейского языка. Вслед за ним появились другие авторы, обычно двуязычные, которые творили как на Ближнем Востоке, так и в Испании. Их арабские сочинения переписывались либо арабским же письмом, либо в своеобразной транслитерации еврейским письмом.

Во второй половине XI—середине XIII в. Багдад все еще был культурной и книжной столицей мусульманского мира, несмотря на его политический упадок, на то, что в нем распоряжались зачастую не халифы, а их гвардия, чиновники или династии, считавшиеся их вассалами. Здесь сосредоточивалось большое число литераторов, богословов, ученых, находились самые крупные библиотеки и книжный рынок. Наряду с Багдадом крупными центрами были Кордова и ряд других испанских городов (Севилья, Гранада, Дения, Толедо, Сарагоса, Хаэн и др.), Фес, Тахарт, Сеута, Танжер, Кайруан и другие города Северной Африки, Каир, Асьют, Танта, Тиннис в Египте, Газа, Хайфа, Иерусалим, Набулус, Халеб, Дамаск, Химс, 277

Хама, Антиохия в Палестине и Сирии, Сана, Зебид, Мекка и Медина в Аравии, Васит, Мосул, Басра и Куфа в Ираке, Шираз, Исфахан, Хамадан, Кум, Тебриз, Рей, Нишапур, Байхак и другие в Иране, Газна в Афганистане (ненадолго ставшая в XI в. звездой первой величины), Мерв, Бухара, Самарканд, Гургандж в Средней Азии.

Наиболее яркой чертой рассматриваемого периода явился рост числа медресе и библиотек [Esche, 1967; Халидов, 1982 (II)]. Оба эти института возникли раньше, но расцвет их начался после учреждения в Багдаде медресе ан-Низамийя (по имени основателя Низам ал-Мулка, везира Сельджуков) с богатой библиотекой при нем. Изменился также статус обоих институтов, они стали вакфными (вакф — особая форма собственности, формально принадлежавшая мусульманской общине и не подлежащая налогообложению и продаже). С приходом к власти Сельджуков перестали существовать несколько шиитских династий и усилился ортодоксальный суннитский ислам в ряде областей Ирана и Ирака; аналогичный поворот к суннизму совершился в Египте и Сирии при Айюбидах после ликвидации Фатимидского халифата. Соответственно произошли некоторые перемены в составе переписываемых книг. Крестовые походы, успехи Реконкисты в Испании и норманнские завоевания в Средиземноморье сократили земли, подвластные мусульманам. На востоке Гуриды продолжили политику Газневидов, направленную на проникновение в Индию и исламизацию ее населения.

Арабская поэзия продолжала культивироваться в XI—XIII вв. от Испании до Средней Азии, всюду было достаточно поэтов, обладавших высокой культурой слова и искусной техникой. Особый вклад в арабскую поэзию внесла Испания, не только выдвинувшая плеяду замечательных мастеров, но и создавшая впервые строфические формы *мувашишах* и *заджал*, которые были подхвачены также на Ближнем Востоке. Все чаще поэтическим языком выражает себя суфизм; самые знаменитые арабские поэты-суфии — Ибн ал-Фарид, Ибн ал-Араби, ал-Бусири — жили в это время. В области сюжетной прозы лучший, по общему признанию, цикл макам создал ал-Харири (ум. в 1122 г.) из Басры. Продолжали составляться всевозможные диваны и антологии, которые включали в себя как памятники древнеарабской и первых четырех веков исламской эпохи, так и творения более новых и современных составителям поэтов и писателей. Особую популярность приобрели сочинения по адабу — дидактические наставления царям, правителям и чиновникам, насыщенные литературными

Все четыре раздела арабской филологии — грамматика, лексикография, метрика и риторика — разрабатывались во все новых сочинениях многочисленными филологами, представленными в каждом значительном городе с мусульманским населением и в каждом поколении. Арабская грамматика была одним из основных предметов в медресе и важным элементом общего образования. Наряду с ней преподавались и другие разделы филологии и в неразрывном единстве с ними — начатки литературы. Сочинения грамматистов представляли либо комментарии к трудам более ранних авторов, либо их переложения в учебных целях, либо исследования по частным вопросам, либо сопоставление и анализ разных точек зрения. Нередко создавались очень ценные труды, вроде «ал-Муфассал» хорезмского ученого аз-Замахшари (ум. в 1144 г.), хотя и преобладали сочинения эпигонские. То же самое можно было бы повторить о трудах по метрике и риторике. Отметим ценное исследование по истории и теории поэзии Ибн Рашика (XI в.), труды Ибн ал-Асира и ас-Саккаки, в которых теория поэтики и стилистики приведена в четкую систему. Сочинялись также версифицированные трактаты о фигурах речи (*ал-бади'ийа*).

Словарную работу с большим успехом продолжил в Испании Ибн Сиды (ум. в 1066 г.), которому принадлежат последний свод арабской лексики, данный согласно методу ал-Халиля, «ал-Мухкам» («Фундаментальный») и крупный предметно-тематический словарь «ал-Мухассас» («Специализированный»). Два ценных словаря составил упоминавшийся хорезмиец аз-Замахшари. Принципы и приемы лексикографической работы (вокабула с этимологическим, грамматическим и реальным объяснением) проводились во многих комментариях и нашли применение в ряде областей знания, в результате чего появились словари фармакологические (например, врача Ибн Джазлы), географические (Йакута), ботанико-минералогические (Ибн ал-Байтара), биографические и др.

Богословско-коранические дисциплины разрабатывались с неослабевающим интересом и интенсивностью во всех мусульманских странах. Писали сочинения о *кира'ат*, *таджвид*, *тафсир*, комментировали прежние. Составляли новые сборники хадисов, перерабатывая классические *сунан* и *сахихи* IX в., развивали основы (*усул*) хадисоведения. В особую отрасль знания выросла наука о передатчиках хадисов, перечни которых вместе с краткими биографическими данными и характеристической составили тома биографических словарей. Знание хадисов стало специальностью, возникли школы по их изучению и библиотеки, состоявшие по преимуществу из книг по хадисоведению.

Фикх согласно четырем суннитским «мазхабам», фикх шиитский, исмаилитский и пр. приносил все больше и больше разнообразных сочинений. В Хорасане и Мавераннахре были написаны, например, такие труды, как «Мухтасар» («Краткий свод») ал-Кудури, «Хидайа» («Руководство») ал-Маргинани, «Фатава» («Сборник фетв») Кадихана, ставшие очень популярными во всем мусульманском мире.

Все более широкое распространение получали суфийские братства. Из них некоторые начисто отвергали книжность, но идейные лидеры не были чужды литературной деятельности. Каждое направление создавало свои книги с изложением догматов, набором молитв, описаний путей приближения к богу, жизнеописаний святых и их духовных подвигов. С суфийскими кругами и учреждениями связаны некоторые библиотеки этого периода.

Разветвление исламской общины на течения, секты и всевозможные группировки породило труды со сравнительным изложением их доктрин. Один из капитальных трудов в этой области был создан аш-Шахрастани (ум. в 1142 г.).

Самым характерным явлением в историографии стали труды по региональной истории, которые нередко сливались с хрониками местных династий и предварялись кратким обзором истории Халифата. Расцветала биографическая литература в своих многочисленных разновидностях и формах. Упомянем лишь такие ценные произведения, как «Китаб ал-ансаб» («Книга нисб») ас-Сам'ани и «Му'джем ал-удаба» («Алфавитный перечень адибов») Йакута (кладезь сведений о книжниках, главным образом филологах и литераторах первых шести веков хиджры). Жанр всеобщей хроники возродил Ибн ал-Асир (ум. в 1233 г.) в своем труде «ал-Камил» («Совершенный (или Полный) свод по истории»), который складывается из компилятивной истории исламской общины и подробной летописи современных событий во всем мусульманском мире.

Переводы на арабский язык в рассматриваемый период очень редки; идя на убыль, они почти прекращаются. Интерес к литературным и научным произведениям стран и народов, лежащих вне исламского мира, пропадает. Продолжается замкнутый круговорот концепций, идей, фактов и образов, содержащихся в арабских книгах и почерпнутых из жизни мусульманских народов. Арабские книги признаются наиболее насыщенными ценной информацией, и их начинают переводить на другие языки. Переводы с арабского идут в двух направлениях: на литературные фарси и тюрки в пределах исламской общины, на еврейский и латынь для распространения вне ее.

280 Труды в различных областях науки и философии создаются

в немалом количестве, выделить среди них сколько-нибудь выдающиеся трудно. Крупными центрами философской мысли остаются Багдад и Хорасан, Испания. В Хорасане действовали последователи Ибн Сины, среди которых достаточно назвать Фахраддина ар-Рази и Омара Хайяма. В Испании мы находим плеяду знаменитостей — Ибн Туфайл, Ибн Баджа и Ибн Рушд. Логика и диалектика (в средневековом значении искусства диспута) стали предметом преподавания в медресе, для этого был написан ряд компендиев в качестве учебных пособий (особую известность получили «ал-Исагуджи» ал-Абхари и «ар-Рисала аш-шамсийа»).

В области географии лучшие труды были созданы в Испании (ал-Бакри) и Сицилии (ал-Идриси), а также в Хорасане (Йакут). По математике писали учебники и трактаты по частным вопросам; так же обстояло дело в астрономии и оккультных науках, в медицине и прикладных дисциплинах. Специального упоминания заслуживает разве что труд Ибн ал-Джазари (ум. после 1205 г.) по механике.

Христианская арабская литература второй половины XI—XIII в. (хотя хронологические границы, достаточно условные для арабо-мусульманской книжной письменности, еще менее показательны для разных ветвей христианской) продолжала развиваться в направлениях, которые наместились в предшествующий период. Правда, после наивысшего подъема творческой активности у мелкитов, несториан и яковитов, продолжавшегося до конца XI в. (особенно у несториан), традиция начинает ослабевать — сначала у яковитов, а потом у двух других. Иное положение сложилось в коптской церкви: здесь расцвет арабской письменности наступил в конце XII—XIII в. и выразился в большом числе авторов (самые известные — сыновья ал-‘Ассала) и сочинений.

В XIII в. по мусульманскому миру были нанесены удары страшной силы: кастильцами и крестоносцами — на западе, в Испании (битва при Лас Навас де Толоса в 1212 г.), Магрибе и Палестине, монголами — в Средней Азии и Иране. Они сузили зону распространения арабского языка, сократили объем литературной и научной деятельности на нем, сопровождалась уничтожением арабских книг в массовых количествах (особенно показательно в этом отношении разорение Багдада в 1258 г., когда книги сбрасывались в Тигр). Впрочем, бесконечные феодальные междоусобицы, прежние нашествия кочевников, из которых выходили новые династии, были не менее губительны для книжных собраний. С другой стороны, победы Айюбидов над крестоносцами на Ближнем Востоке несколько компенсировали другие поражения.

Со второй половины XIII в. центры арабской культуры перемещаются в Египет и Сирию, туда переезжают ученые из восточных областей теперь уже бывшего Аббасидского халифата, как из Испании — в Магриб, захватив с собой и какое-то количество книг. Когда монгольские правители в Иране и Золотой Орде приняли через несколько поколений ислам, всюду в их владениях стали возрождаться традиционные отрасли богословия, науки и литературы, т. е. зона их распространения даже расширилась. Но произошло перераспределение «сфер влияния» между языками арабским, фарси и тюрки. На долю арабского языка остались только Коран и коранические дисциплины, хадисы, фикх и догматика, точные науки и естествознание, арабская филология, да и то в обедненном виде: учебные пособия для медресе, всякие компендии на основе прежних книг, комментарии на созданные в предшествующие века сочинения. Все, что было актуально, злободневно в области общественной мысли, литературы, историографии, писалось не по-арабски. Даже научные и богословские труды нередко писались на фарси и тюрки либо сопровождались переводом или комментарием на этих языках. Тем не менее большинство грамотных людей владело арабским языком, пользовалось арабскими книгами; старые библиотеки сохранялись и даже приумножались новыми копиями или приобретениями через рынок.

В Египте и Сирии при Айюбидах и мамлюкских династиях, а также в Магрибе с середины XIII до начала XVI в. было создано великое множество арабских книг, в том числе ряд замечательных. Заниматься их перечислением было бы крайне затруднительно, если, например, знаменитый полигистор ас-Суйути один написал свыше 600 сочинений, в том числе несколько десятков многотомных! Едва ли хоть одно из традиционных направлений арабской письменности было оставлено без внимания и забыто.

В области художественной литературы отметим тенденцию к упрощению языка и использованию строфических и народных песенных жанров, записи и обработки фольклорных произведений наряду с сохранением высшей «высокой» поэзии, составление ряда сборников и антологий.

По грамматике, метрике и риторике были написаны новые компендии и трактаты. Ибн Манзур и ас-Сагани (и ал-Фирузабади в Мекке) дали богатейшие своды арабской лексики в своих многотомных словарях.

В комплексе богословско-юридических дисциплин и историографии это был период своеобразного подведения итогов 282 предшествующего развития. Ас-Суйути написал историю кора-

нических наук и филологии, ас-Сахави — историю арабской историографии. Ал-Кифти составил свод биографий грамматистов, он же и Ибн Аби Усайби'а — биографий врачей и философов, ас-Сафади и Ибн Хаджар ал-'Аскалани — биографий передатчиков хадисов и историков, ас-Субки — биографий факихов шафиитского мазхаба и т. д. Был написан ряд историко-географических трудов, династийных и всеобщих хроник. Ибн Халдун к своему труду по всеобщей истории предпослал «Мукаддиму» («Введение»), в которой развил и обосновал свои теоретические, в основном материалистические, взгляды на человеческую историю. Несколько авторов (ал-Калкашанди, Ибн Тагрибурди, ан-Нувайри, ал-Макризиди и др.) создали большие энциклопедии, охватывающие весь комплекс богословско-гуманитарных знаний мусульманского мира.

Из других областей знания упомянем лишь многочисленные медицинские труды египетского врача Ибн ан-Нафиса и серию книг по военному делу, написанных разными авторами для мамлюкских военачальников.

Книжность у арабов-христиан также продолжает существовать, хотя творческая литературная деятельность почти затухает.

Период XVI—XVIII вв. характеризуется утратой политической самостоятельности арабскими странами. Весь Ближний Восток и Северная Африка были поглощены османской Турцией; только султаны Марокко, мекканские шерифы и временами династии на юге Аравии оставались независимыми. Мусульманский мир бы поделен между Османской державой, сефевидским Ираном и империей Великих Моголов; полунезависимые династии существовали в прикаспийских и причерноморских областях, Средней Азии, Экваториальной Африке. Натиск европейских государств приводил к постепенному превращению мусульманских стран в колонии и полуколонии.

В этих политически неблагоприятных условиях книжная деятельность отнюдь не прекратилась, но продолжалась, пожалуй, с не меньшим размахом, чем прежде. По крайней мере это относится к копированию книг, к поддержанию рукописной традиции. Ареал распространения арабской рукописной книги даже расширился благодаря турецким завоеваниям в Европе (на Балканах), благодаря дальнейшей исламизации Индии, торговой и миссионерской активности оманцев и магрибинцев в Африке, хадрамаутцев и йеменцев в Индонезии. И в странах, попадавших в колониальную зависимость от европейцев, переписка книг, преподавание по ним не прекращались.

Только по содержанию книжная продукция рассматриваемого периода значительно уступала тому, что наблюдалось 283

в арабо-мусульманском мире раньше; в лучшем случае в ней повторялись прежние достижения, сохранялся давно пройденный уровень. А по сравнению с тогдашней Европой все это представлялось уже как застой и упадок, глухое средневековье, упрямый консерватизм, вялость мысли, отсутствие энтузиазма и движения вперед. Арабская книга все больше отставала и в техническом отношении от динамично развивавшейся Европы.

При всем при этом на арабском языке было написано большое количество новых книг, среди которых обнаруживаются очень ценные (арабистика, увлекавшаяся эпохой расцвета, лишь недавно обратила внимание на поздние пласты арабской письменности). Для примера назовем «Хизанат ал-адаб» («Сокровищница адаба») ал-Багдади (XVII в.), антологию испанской поэзии ал-Маккари (Тунис, XVII в.), энциклопедию Ташкёпрюзаде (Турция, XVI в.), библиографию арабской письменности Хаджжи Халифы (Турция, XVII в.), оригинальную суфийскую поэзию и местные хроники из Хадрамаута и Йемена, ряд исторических и энциклопедических трудов, созданных в Египте и Сирии (Ибн Ийас, Ибн Тулун, ал-Мухибби), творения суфийских авторов аш-Ша'рани, ан-Набулуси, многочисленные записи фольклорных эпических циклов в Египте и Северной Африке (*сиры* 'Антара, Сайфа Зу Йазана, Зу-л-Химмы, Бану Хилал, сказки «1001 ночи») и т. д.

Много создавалось всяческих комментариев, супракомментариев, компендиев и прочих учебных пособий для медресе. Всюду преобладал богословско-филологический комплекс с его малооригинальными схоластическими сочинениями. Труды по естествознанию, математике, философии не только не создавали, но и редко переписывали.

Книжные собрания и библиотеки интенсивно перемещались, как всегда, в пределах почти всего ареала вместе с торговцами, путешественниками, паломниками. Одно из направлений — из старых центров книжности в исламизируемые места. Другое — поток книг из провинций Османской державы, в том числе из арабских стран, в столицу Стамбул, где формируются крупные частные собрания, вакфные и султанские библиотеки. Третье — из всех исламских стран в европейские страны. Пережившая Ренессанс Европа обратилась к поискам истоков своей культуры и, изучая священные тексты христианства, обнаружила, что Библия написана на языке, разительно схожем с арабским. Наряду с интересом к арабскому языку, продиктованным новыми задачами теологии, библейской экзегетики и церковной истории, пробудилось стремление найти в арабских книгах памятники античной философии и науки,

284 которые не сохранились в оригиналах. Такими окольными

путями начиналась европейская ориенталистика, первые представители которой обратились к изучению арабских рукописей. Монахи, посещавшие «святую землю», и торговцы, путешественники и дипломаты, позднее — миссионеры, надеявшиеся на успешную проповедническую деятельность в мусульманских странах, стали приобретать и собирать арабские рукописи; потом они передавали их в библиотеки у себя на родине. Здесь их изучением занимались европейские филологи-арабисты.

Еще в конце XV в. арабские рукописи появились в Италии (главным образом благодаря активной религиозной политике Ватикана, через представителей восточных церквей), и неудивительно, что тогда же именно в этой стране впервые были напечатаны арабские книги. В библиотеки испанских королей и церковников арабские рукописи попали также в конце XV в. благодаря захвату при последних актах Реконкисты и конфискации у местных мусульман. Несколько позднее начали складываться собрания арабских рукописей в Нидерландах, Франции и Швеции, потом в Австрии, Великобритании, Германии и Ирландии, с XVIII в. — в Дании, России и Швейцарии. Взамен фантастических и полуфантастических представлений о «безбожных сарацинах» и «магометанах» как об извечных врагах правой христианской веры, наделенных всевозможными пороками и негативными качествами, представлений, которые накопились за долгие века военного противостояния и экономического соперничества, европейские ученые открывали для себя в арабских рукописях подлинный «дух Востока», постигали язык, литературу, мысль, историю, культуру арабов и мусульман.

Быстрый прогресс в Европе научных методов в области филологии отразился и на изучении арабских рукописей. Здесь было положено начало описанию арабских рукописей в печатных каталогах, систематическому учету сохранившихся памятников и критическому изданию некоторых из них. Каталоги стали выходить с XVII в., и к концу XVIII в. их было уже свыше десятка.

Налаживание связей с римско-католической церковью способствовало некоторому оживлению литературной деятельности у арабоязычных христиан Ближнего Востока, особенно в XVIII в. Позднее арабы-христиане сыграли видную роль в подъеме общественно-политической мысли и других областей новой арабской культуры в ближневосточном регионе.

В XIX—XX вв. копирование арабских книг на Востоке путем переписки от руки все еще продолжается, несмотря на постепенное развитие типографского дела, распространение печатной книги и повышение авторитета печатного слова. 285

Первая государственная типография на Арабском Востоке была основана в предместье Каира Булаке в 1821 г. (более ранние опыты по созданию типографий в Турции и ливанских монастырях относятся к XVIII в.); позднее государственные и частные типографии появились во всех мусульманских странах, и всюду по числу названий печатающихся книг и их тиражу почетное место отводилось книгам на арабском языке. При помощи печатного станка были размножены сотни средневековых памятников, начиная с Корана и шести знаменитых сборников хадисов, а также основные труды по фикху, тафсиру, догматике, хадисам, историко-биографические и литературные произведения, учебные пособия по грамматике и логике, словари и т. п. Набор производился обычно по какой-либо одной доступной издателям рукописи. Соответственно свертывалось переписческое дело, профессия переписчика сходилась на нет. Но там, где осуществлялось литографированное издание памятников письменности, переписчики изготавливали копии, с которых печатались литографии. Спрос на труд переписчиков одно время поддерживали арабисты и коллекционеры арабских рукописей, по заказу которых они копировали оригиналы, не подлежавшие продаже (из библиотек и частных собраний). В отдаленных уголках арабо-мусульманского мира, где типографий не было и печатная книга оставалась недоступной роскошью, вплоть до недавнего времени, по крайней мере до середины XX в., книги переписывали от руки для личного пользования и на продажу.

Циркулирование арабской рукописной книги в последние два века происходило постоянно: во все больших количествах ее скупали (изредка захватывали как добычу) европейцы и другие иностранцы. В Европе и Северной Америке увеличивалось число стран и городов, библиотек, музеев и частных коллекций, владеющих арабскими рукописями. Одновременно набирало силу и ширилось археографическое описание памятников арабской письменности и критическое издание многих из них. Вышли солидные научные каталоги арабских рукописей Национальной библиотеки в Париже, Британского музея в Лондоне, библиотек Мадрида, Вены, Берлина, Лейдена, Готы, Лейпцига, Мюнхена, Петербурга, Копенгагена, Оксфорда, Кембриджа, Рима, Милана и ряда других.

В конце XIX в. были опубликованы каталоги арабских рукописей ряда библиотек Стамбула и Каира. В новейшее время страны Востока, вставшие на путь независимого развития, начали уделять значительное внимание сбору и охране рукописного наследия, а также каталогизации и научному изданию ценных памятников.

Большая государственная забота о рукописных памятниках прошлого проявляется в Советском Союзе, где есть несколько крупных библиотек и специализированных учреждений, хранящих среди прочего и арабские рукописи. Важнейшие из них находятся в Ленинграде, Москве, Ташкенте, Баку, Казани, Душанбе, Махачкале, Тбилиси, Самарканде, Ереване. В общей сложности в советских рукописных хранилищах учтено около 40 тыс. томов арабских рукописей; сверх того, некоторое их количество остается, очевидно, в частных собраниях.

Подсчеты совокупного количества арабских рукописей во всех странах мира затрудняются тем обстоятельством, что далеко не везде они каталогизированы или хотя бы освещены в обзорных работах. Таких стран более шестидесяти; в одних рукописные фонды централизованы, в других рассредоточены. По моим приблизительным оценкам, арабских рукописей сохранилось не менее 600 тыс., из них в каталогах отражено около одной трети [см.: Библиография, 1982].

Изданные и доступные для изучения памятники арабской письменности исчисляются в более скромных цифрах, но и они столь велики, что один человек не может их охватить. При таком положении дел невозможно ответить на очень важный вопрос о том, какую же часть представляют сохранившиеся арабские рукописи от той их массы, которая исторически существовала. Ведь каждое сочинение раскрывает дополнительные сведения о неведомых погибших книгах, когда-то написанных. Если неполно и неудовлетворительно учтены дошедшие до нас рукописи, то гораздо хуже учтены утраченные; а без этого едва ли возможно по-настоящему понять роль и место рукописной книги в арабской культуре, бесспорно одной из самых «книжных», какие когда-либо существовали на земле.

Наконец, нужно привести некоторые данные по материальной характеристике арабской рукописи, которые также немаловажны для культурной истории. Ранняя арабская рукописная книга имеет сходство с коптской, которая испытала сильное влияние античного кодекса в отношении формата, переплета и орнаментовки. Преобладающим типом средневековой арабской книги стал кодекс из бумаги, простой и строгий по внешнему оформлению. Обычные форматы колеблются в пределах 18—35 см в высоту и 13—25 см в ширину. Книги миниатюрных и очень больших размеров встречается редко, как и книжные форматы, у которых ширина превышает высоту. Поля у рукописей широкие. Текст на странице укладывается в прямоугольную рамку, ровные прямые строки располагаются на одинаковых расстояниях друг от друга и редко выходят за рамку, на поля. Рамка образуется самим текстом или вычер-

чивается из одной или нескольких линий. Разноцветные рамки и более сложно расчерченные страницы, когда разные части или виды текста (подзаголовки, стихи в столбец) заключены в особую рамку, встречаются в поздних арабских рукописях XVI—XIX вв.

Старинные арабские рукописи и разного времени обиходные книги (учебники, молитвенники и т. п.) состоят лишь из ровных прямоугольников текста на фоне белой (потемневшей или пожелтевшей) бумаги. Заголовки и подзаголовки выделяются более крупным почерком, надчеркиванием, цветными чернилами (чаще киноварью) либо комбинацией этих элементов. В разного типа сочинениях могут быть выделены стихотворная или кораническая цитата, вокабула — в языковых словарях, имя собственное, название, термин — в биографических и тематических словарях, фразы комментируемого текста — в комментариях, дата — в хрониках, буквенные символы — в математических текстах и т. п.

Вне рамки помещаются различные текстовые элементы, исходящие от писца или читателей. Для большинства рукописей обязателен так называемый «хранитель» порядка листов — *хафиз* (слово, с которого начинается следующая страница); переписчик ставит его на оборотной стороне листа внизу слева. На полях может появиться поправка переписчика, заметившего опisku или пропуск в ходе работы или при сверке с оригиналом; поправки делали и читатели. Многие рукописи содержат вне рамки такой минимальный набор: регулярные хафизы и редкие поправки. Но иногда поля заполняются всевозможными пояснениями и заметками писца и читателей, перерастая порой в комментарии к тексту. Способ записи пояснений, комментариев, перевода на другой язык может быть и иным, а именно между строками основного текста, для чего заранее оставляется свободное место.

Арабской мусульманской рукописной книге неведомы заглавная буква и деление на абзацы. Она начинается обычно формулой «Во имя бога. . .» на отдельной строке. После этого следуют восхваление бога и пророка, благопожелания всем мусульманам и собственно введение, в котором дается мотивировка создания сочинения, его тема и название, иногда — перечень разделов и глав. Название может быть помещено на лицевой стороне первого листа или на оборотной стороне перед началом текста, повторено в колофоне, записано владельцем (читателем, библиотекарем) на переплете, на обрезе книги.

Имя автора сопутствует названию сочинения, но нередко 288 опускается. Название структурных подразделений сочинения

выделяется обычно более крупным почерком и пишется на отдельной строке, иногда — на отдельной странице.

Знаки препинания в арабском письме применяются крайне редко. Ими служат овалы, кружочки, сердечки, треугольники, звездочки — с точкой в центре или без нее; пишутся они по одному, по два или по три. Знаки препинания, как и выделенные заголовки, могут использоваться в качестве орнаментальных элементов, записываться цветными чернилами и золотом с особым старанием или ухищрением.

Старейший способ количественного исчисления объема арабской рукописи — *куррасами* (тетрадами) по 10 или 12 листов; порядковый номер куррасы пишется в начале, в левом верхнем углу первой страницы, словами или цифрами. Полистная нумерация встречается реже и позднее, постраничная — явление совсем новое!

Главным украшением арабской рукописной книги считалось само письмо, качеству выполнения которого придавали большое значение. Направление письма — справа налево и сверху вниз — определяет отсчет строк, страниц, глав, томов. Общий рисунок арабского письма определяется его лигатурным характером и позиционными вариациями букв, размещением диакритических точек, огласовки и прочих орфографических значков в два яруса над и под строкой. Существующее разнообразие книжных почерков проявляется в величине и форме букв и лигатур, толщине линий, наклонах и изгибах, взаиморасположении букв, слов и строк, густоте или редкости вспомогательных значков и их расстоянии от строки. Почерки различаются по эпохам, регионам, сфере употребления, стилям; дополнительными дифференцирующими факторами были писчий материал и индивидуальная манера писца. Одни особенности накладываются на другие, и общая картина оказывается довольно сложной [см.: Grohmann, 1967—1973].

Издrevле арабское письмо имело две основные разновидности: монументальное письмо и курсивное. В первом преобладают прямые линии, загибаемые под углом, во втором — закругленные линии и плавные повороты. В рукописной практике более употребительно курсивное письмо, на базе которого были выработаны десятки почерков. Важнейшая тенденция в развитии почерков была направлена на достижение симметрии в соотношении величин букв, вертикальных, горизонтальных и изогнутых линий, расстояний между строками. Инициатива по установлению постоянных пропорций между буквами с помощью геометрических измерений принадлежит знаменитому везиру и каллиграфу Ибн Мукле (886—940). 289

Влияние его школы ощущается в арабской каллиграфии всех последующих веков.

Самый популярный почерк, которым переписывали книги, — *наси* (или *насх*) выделился в конце VIII в. и получил распространение в IX в. У канцелярских чиновников-писцов, из числа которых и выдвигались теоретики письма, существовали свои излюбленные и рекомендуемые почерки, носившие особые названия. Их классификации и номенклатуры были очень утонченными и изощренными, но не сопровождались образцами. Отсюда проистекает трудность в установлении соответствий между реальными почерками рукописей и между почерками, названия которых фигурируют в специальных средневековых сочинениях. Например, *наси* вообще не принимали во внимание, может быть не считая его за один сложившийся почерк. Действительно, практически он очень разнообразен. Западные, магрибские почерки сформировались на базе монументального *куфи* и сохранили его архаичные черты; в них также возобладала тенденция к округлому курсиву, который, однако, избегал геометризации и пропорционализации форм.

В среде чиновников-писцов и профессиональных переписчиков книг к искусности в письме предъявляли повышенные требования, но в ученой среде редко уделяли качеству почерка особое внимание и даже открыто защищали свою позицию. Подлинная история арабских почерков отражает столкновение этих двух противоположных установок. Красоту арабского письма многие воспевали и превозносили. Среди арабских рукописей на самом деле много каллиграфических шедевров, производящих впечатление не только тщательным исполнением, но и особой гармонией линий — производимый ими художественный эффект приводил в восхищение многих исследователей-востоковедов. В то же время беглые, скорописные почерки в рукописях-автографах, особенно черновиках, способны вызывать отчаяние у самых искушенных арабистов из-за трудности их прочтения.

Основными писчими материалами для арабских книг служили папирус, пергамен и бумага. Несмотря на дороговизну, пергамен, изготавливавшийся из тщательно выделанных овечьих, козьих, телячьих и газельих кож, довольно широко употребляли в первые века хиджры. Упоминания о нем встречаются еще в древней арабской поэзии; на пергамене писали отдельные части Корана. Больше, чем в других местах, пергамен был распространен в Северной Африке. Сохранившиеся арабские пергамены представлены почти во всех крупных собраниях арабских рукописей, в каждом из них — лишь единицами или

ных пергаменных арабских рукописей насчитывается до двух тысяч, датированные экземпляры укладываются в хронологический период от 168/784 до 498/1105 г.

Папирус, как известно, произрастает только в Египте; он был известен, вероятно, еще в доисламской Аравии и служил важнейшим писчим материалом для произведений арабской литературы в течение трех начальных веков хиджры, сосуществуя с привозной китайской бумагой и пергаменом. В начале III/IX в. папирус соперничал с самаркандской бумагой, которая его и вытеснила, хотя он продолжал употребляться до конца IV/X в., в Египте — по меньшей мере до 1087 г.

В науке известно до 16 тыс. арабских папирусов — отдельных листов или обрывков, свитков и совсем немного однотетрадных и многотетрадных кодексов. Все они происходят из Египта. В других странах Ближнего Востока, где папирус был исторически известен, ничего не сохранилось. Основными сферами применения папируса были документация и переписка, частная и служебная. Реже упоминаются записи литературных текстов, а число дошедших до нас папирусов, содержащих отрывки из Корана и других памятников, очень незначительно. Среди них есть только одна относительно полная книга, датированная 889 г.

По нарративным источникам трудно судить о материале, на котором были записаны упоминаемые литературные произведения, немногие случайные или косвенные сведения неоднозначны, так как одни и те же термины (*варак*, *картас*, *тумар*) последовательно применялись к различным материалам.

Импортная китайская бумага была известна в Иране еще при Сасанидах с конца VI или начала VII в. В первые века хиджры она употреблялась в Арабском Халифате наряду с другими писчими материалами. Ибн ан-Надим (IV/X в.) различал книги на китайской бумаге и упоминал их отдельно от прочих. Но только налаживание производства собственной бумаги обеспечило государство прекрасным писчим материалом в удовлетворяющих потребности количествах.

Секрет изготовления бумаги был перенят от пленных китайских мастеров в Самарканде вскоре после середины VIII в. либо, согласно другому известию, унаследован от домусульманского времени. В течение двух столетий производство бумаги и торговля ею оставались монополией этого города, только во второй половине X в. бумажные мельницы появились в сирийских и пракских городах. В XI—XIII вв. эта отрасль производства постепенно получила распространение в Египте, Северной Африке и Испании, где от арабов ее заимствовали европейцы.

Важно отметить совпадение начала массового производства относительно дешевого высококачественного писчего материала и расцвета арабской литературы и науки, сопровождавшегося массовым изготовлением рукописных книг. Техническое новшество открыло возможности для создания книг большого объема и сложной структуры, многотомных и во множестве экземпляров. На бумаге «самаркандского», или «восточного», типа, технология изготовления которой не претерпела, очевидно, изменений на протяжении веков, написаны все известные нам арабские рукописные книги IX—XIV вв. (за исключением немногих книг на папирусе и пергамене). С XV в. появляются арабские рукописи на бумаге европейского производства, которой со временем становится все больше, а качество ее разнообразнее. Восточная же бумага постепенно сдает свои позиции, качество ее ухудшается.

Среди письменных принадлежностей, необходимых для создания рукописных книг, первое место занимает *калам* — тростниковая палочка с косо срезанным концом, острая сторона которого затачивалась, еще раз срезалась и расщеплялась посередине. Каламу в арабской литературе воздавалась всяческая хвала как предмету, сопричастному к творчеству и красоте. Качество калама, очень ценимое, зависело от умелого выбора тростника (по толщине, цвету, месту произрастания), от выдержки, хранения, обработки. В особенности очинка калама требовала искусства и считалась делом чести, а иногда и личным секретом писца. Взамен калама использовали также плоскую дощечку с заостренным концом, птичье перо, пальмовую веточку.

Другой важной принадлежностью писца была чернильница — *дават*. Собственно, это был целый чернильный прибор, род пенала или продолговатого ящичка с крышкой, в котором помещались чернила и калам. Другие орудия и принадлежности для письма — ножик для очинки калама, тампон для впитывания чернил и защиты их от высыхания, коробочка для клея, шило, скрепка (зажим), тряпочка, линейка и др. Письменные принадлежности рекомендовалось изготавливать из материалов лучших сортов, но скромными и неброскими по внешнему виду.

К качеству чернил предъявлялись высокие требования, особо подчеркивалось, что они должны быть густого черного цвета и блестящими. Существовали разные сорта чернил, получавшие названия по месту происхождения; сохранилось много рецептов их изготовления, но в основном было два вида: железистые ореховые чернила, приобретающие со временем коричне-

ного цвета, типа туши. Реже применяли цветные чернила — красные, желтые, синие, фиолетовые разных оттенков. Арабы знали также золотые чернила и специальные виды чернил.

Изготовление писчих материалов и письменных принадлежностей требовало множества разнообразных веществ и материалов, встречающихся в природе или предварительно обработанных, и участия ремесленников разных специальностей. В этом арабы и другие народы Халифата (и образовавшихся после его распада государств) явились преемниками древневосточных и средиземноморских цивилизаций. Они аккумулировали давний опыт, развили и поддерживали его на должном уровне в течение столетий.

Художественное оформление арабских рукописных книг было относительно скромным и непритязательным. Распространенным элементом оформления служил *унван* в начале книги, выполняемый в красках в половину, треть или четверть страницы перед текстом (на оборотной стороне первого листа); цвета преобладают синий, красный, золотой и зеленый; форма унвана — в виде купола (овального, полукруглого) при прямоугольной. Поле унвана расчерчивается и обрамляется. Изредка унван делается в развернутый лист или повторяется дважды. Совсем единичны случаи появления унвана в середине рукописи или в начале каждого тома большого сочинения. Обычно унван лишен надписей, но иногда в него вписывают название сочинения.

В роскошных экземплярах книг, выполнявшихся по прямому заказу или для подношения султану (эмиру, сановнику), первую страницу украшали миниатюрой, цветными рамками и орнаментом, на ней писали имя заказчика и владельца, а иногда и имя мастера (переписчика-оформителя) с добавлением благопожеланий, названия сочинения и имени автора. Под стать первой могла быть украшена и оформлена вторая страница, далее шли обрамленные страницы. Чаше других и роскошнее украшали рукописи Корана.

На долю иллюстрированных приходится небольшой процент арабских рукописных книг. Миниатюрами снабжали крайне ограниченный круг сочинений, в их числе: «Макамат» («Макамы») ал-Харири, сборники сказок, басен и притч, космографии, ботанико-медицинские разделы некоторых научных трудов, книги по военному делу. Наиболее популярные арабские книги лишены иллюстраций.

Чертежи, схемы, карты, таблицы как изображения абстрактные, не антропоморфные не были запрещены, поэтому встречаются в научных сочинениях довольно регулярно. Общая отсталость рисования ощущается и в них; например, арабская 293

картография уступала в точности описаниям путешественников и теоретическим знаниям географов. Геометрические чертежи, правда, делались весьма искусно. Наглядные схемы и таблицы просты в исполнении. Иногда материал располагали в столбец, а столбцы заключали в рамки и снабжали заглавием. Пояснения к ним даются в тексте (не в сносках). Сравнительно поздно оглавления сочинений стали выделять в начало или конец рукописи.

С книжным переплетом арабы познакомились одновременно с появлением у них первых книг. Как на источник влияния указывают на прилегающую к Аравии северо-восточную часть Африки, заимствованные термины подтверждают это. Один из старейших дошедших до нас переплетов происходит из Египта, его датируют приблизительно IX или X в.; этот роскошный переплет Корана большого формата изготовлен из ливанского кедра, инкрустирован слоновой костью и кусочками разноцветного дерева. Но деревянные крышки переплета редки, обычно же арабские книги имели либо мягкий кожаный переплет, либо жесткий кожаный переплет с картонной крышкой из прессованного папируса или бумаги.

Не каждая книга, наверное, имела переплет, который всегда обходился дорого. Предназначенные не столько украшать, сколько защищать книги, переплеты изнашивались, отрывались, терялись; вместе с ними нередко терялись или подвергались порче первые и последние листы рукописей; и те и другие чинили, заменяли новыми. Большинство самых старых сохранившихся арабских переплетов относится к мамлюкскому Египту XIII—XIV вв. Их изучению посвящено несколько специальных статей и монографий.

Отличительная особенность мусульманского переплета — продолжение левой крышки в виде клапана, который состоит из двух частей: прямоугольной, соответствующей по формату обрезу книги, и пятисторонней, входящей под правую переднюю крышку.

Переплеты с неукрашенной поверхностью редки, обычно это были ремесленные изделия добротного качества и художественного достоинства. Обе крышки и клапан обрамляли по краям: рамки были достаточно разнообразны по числу образующих ее линий и полосок и по расстоянию между ними; во внутренних углах рамки мог помещаться оттиск штампе-
294 лия. Более сложные рамки создавались штампелным тиснением, обведенным линией; иногда добавляли второе и третье обрамление из оттисков иных форм. Огражденное поле орнаментировали по всей поверхности с проступающей посередине геометрической фигурой или без нее либо же только посередине и по углам.

Излюбленными геометрическими фигурами, которые повторялись в разных сочетаниях и связях, были звезды, ромбы, многоугольники, вписанные в круг. Искусность орнаментовки состояла в том, чтобы выделить фигуры, подчеркнуть их детали, добиться симметрии в их расположении, заполнить поверхность образуемых ими участков поля штамповым тиснением, кружочками и точками. Переплетчики умели создавать настоящие художественные произведения.

Когда поле крышки и клапана орнаментировали только по центру и по углам, орнамент в середине имел форму круга, миндалины или звезды; каждая из фигур варьировалась по окаймлению и заполнению. Площадь круга, например, заполнялась штамповым тиснением или делилась на участки более мелкими фигурами — многоугольниками, звездами и т. п. Миндалевидный центральный орнамент сравнительно поздно вошел в употребление, но стал популярен. Именно переплеты с медальоном миндалевидной формы послужили образцом для европейских переплетов эпохи Возрождения, арабо-мусульманское влияние здесь прослеживается отчетливо. Миндалина заполнялась изящным плетеным узором, сверху и снизу резко закруглялась и снабжалась узорчатым придатком; ее границы служили пучок линий, кайма или ряд оттисков штампа. Другие разновидности центрального орнамента (звезда, ромб, квадрат и т. п.) встречаются реже. Орнамент по четырем углам рамки зачастую служил дополнением к серединному и представлял его уменьшенную четверть.

Поверхность клапана по орнаментовке выглядит как половина крышки переплета или же ее обуженный вариант. Есть несколько типов геометрических фигур, которые встречаются только на клапанах; это два эксцентрических круга, часть большого ромба с глубокими зубчатыми изгибами, звезда из двух треугольников, квадрат, образуемый заштрихованным плетеным узором.

Внутреннюю сторону крышки обычно заклеивали бумагой; на которой потом появлялись записи владельцев и читателей. Иногда ее также обтягивали кожей, на которую наносили тисненый узор. Орнаментировали ее редко и скромно.

Переплетное дело в средневековом арабском ремесле приобрело большое значение. По переплетам можно изучать художественные вкусы общества. Как в других науках и искусствах, в переплетном деле арабы освоили и соединили разные традиции, приумножили и развили их трудом своих мастеров. Признается неоспоримой зависимость европейского книжного переплета от арабского в техническом отношении [см.: Weisweiler, 1962].

Христианские арабские рукописи также представляют собой пергаменные или бумажные кодексы и не отличаются от мусульманских по формату и общему характеру письма. Разумеется, в них, по определению, совсем иное содержание, иные титулы, вводные формулы, свои термины и излюбленные обороты. Христианские авторы и писцы менее строго соблюдают грамматические и орфографические правила литературного языка и стилевые каноны, принятые в мусульманских кругах; мало кто из них обладал настоящей филологической выучкой. Но и в деталях внешнего оформления арабских христианских рукописных книг наблюдаются некоторые различия по сравнению с мусульманскими. Прежде всего переплеты христианских рукописей отражают скорее византийско-коптскую традицию: лишены, как правило, клапанов, зато снабжены нередко петлями и застёжками. Ранние рукописные книги из южнопалестинских и синайских монастырей характеризуются своеобразным почерком, в котором вертикали букв прямые, а лигатуры начинаются почти под прямым углом. В более поздних христианских рукописях заметна тенденция к сближению с мусульманскими по внешним показателям, хотя разница, конечно, остается всегда.

В заключение подведем некоторые итоги. Арабская рукописная книга впервые возникла во второй четверти VII в. в Аравии как священный текст, Писание, приверженцев новой религии — ислама. Закрепление и воспроизведение экземпляров этого текста стало важной функцией арабской книги на всем протяжении ее более чем тринадцативековой истории, но не осталось единственной. В последующие три-четыре столетия в арабских книгах были воплощены: (а) памятники арабской устной словесности доисламской, языческой эпохи; (б) произведения, которые были созданы в рамках эллинизированных культур Ближнего Востока и Ирана, существовали в письменной форме на нескольких языках и были переведены на арабский язык; (в) произведения общественно-политической мысли, науки и литературы, которые создавались на арабском языке как природными его носителями, так и теми, кто овладел им, став членом исламской общины или подданным Халифата либо тем и другим вместе; (г) переводные и оригинальные произведения религиозной по преимуществу литературы христианских и иудейских общин, целиком или частично усвоивших арабский язык.

К середине XI в. арабская рукописная книга стала чрезвычайно многообразной и разветвленной по своему жанрово-тематическому составу. Условно ее можно представить в виде

(комментарии к Писанию, изложение ритуально-правовых норм, теология, историография), филологического (грамматика, лексикография, метрика, поэтика и стилистика), литературного (поэзия, проза, записи фольклора), научного (математика, астрономия, география, ботаника, минералогия, медицина и др.), философского (логика, метафизика, космологические и политические теории, психология, этика), оккультного (магия, гадания и др.). Разграничение этих комплексов в какой-то мере условно потому, что они тесно соприкасались друг с другом и взаимопроникали; например, комментарии к Писанию имели ярко выраженный филологический аспект и стимулировали соответствующие филологические дисциплины, которые сами оказывали влияние на всю книжность; философия была связана как со спекулятивной теологией, так и с умозрительными и прикладными науками; правоведение и историография были обращены одной стороной к религии, другой — к гражданской жизни и т. д.

Принципиально новых отраслей арабской письменности после XI в. не появилось, но ни одна из тех, которые к этому времени сложились, не была впоследствии целиком предана забвению. Традиционализм и консервативность были характерными чертами средневековой культуры в целом и такого важного ее орудия и компонента, как рукописная книга. Все отрасли арабской письменности постоянно поддерживались, обновлялись и варьировались. Прежние сочинения переписывали заново, комментировали, дополняли, хотя многие сочинения выпадали из обращения и заменялись другими. Вновь создаваемые сочинения зачастую представляли собой иную комбинацию достигнутых знаний, переформулировку установившихся идей. Содержание унаследованных книг инкорпорировалось в книги представителей следующих поколений либо путем дословного цитирования, явного и скрытого, либо различными способами пересказа и переложения, либо изменением композиционного приема и принципа систематизации материала.

Территориально арабская книга была связана в начальный период с несколькими городами Аравии, Ирака и Сирии. Постепенно книги стали расходиться в Халифате повсеместно; со второй половины VIII в. главный центр их создания и размножения в копиях переместился в новую столицу, г. Багдад, основанный в 762 г. Когда в X в. Халифат фактически распался на ряд государств, в истории арабской культуры наступила эпоха полицентризма. Правящие династии сменяли друг друга, границы между государствами нередко передвигались, но военно-политические события, вследствие которых 297

возникали и рушились государства, не затрагивали основ социально-экономического строя и не прерывали преемственности единой арабско-мусульманской культуры, в том числе и книжности. И после упразднения Халифата в 1258 г. зона распространения арабской книги в общем совпадала с пределами мусульманских государств и расселения мусульман.

Социальные условия функционирования арабской рукописной книги определили ее особенности не в меньшей степени, чем географические и хронологические рамки. Круг лиц, причастных к созданию и воспроизведению арабских рукописных книг (в качестве авторов, переводчиков, переписчиков и др.), был поначалу довольно узок. Приток свежих сил в книжную сферу обеспечивался такими разными причинами, как обращение в ислам все возрастающего числа подданных Халифата наряду с усвоением разговорного и литературного арабского языка неарабской частью его населения, установление высокого социального престижа грамотности и книги, особенно среди знати и привилегированных слоев, представители которых стали производить значительные затраты средств на книжное дело. То обстоятельство, что на арабско-мусульманском Востоке феодальная интеллигенция и служители культа были непосредственно интегрированы в общество, не отгорожены от него корпоративной организацией и какими-либо формальными ограничениями, способствовало относительно широкой социальной циркуляции книг. По той же причине место изготовления рукописной книги не было специализировано, ее писали и размножали в частных домах и общественных зданиях, в том числе культовых.

Арабская книга была порождением городской культуры, так как именно в городах сосредоточивались те социальные слои, которые так или иначе имели отношение к созданию и использованию книг. Города были административными и торговыми центрами, где жили «люди меча» (военно-служилая и землевладельческая знать) и «люди пера» (чиновники и интеллигенция), а также торгово-ремесленное сословие и всякого рода деклассированные элементы.

Одним из каналов поощрения книжного дела была частная и общественная благотворительность, осуществлявшаяся через вакфные учреждения. К числу последних могли относиться публичные библиотеки и учебные заведения, больницы, мечети, суфийские обитатели, мавзолеи, при которых обычно складывались общедоступные книжные собрания. Тесная связь книги с процессом обучения стала фактором, вызвавшим регулярную переписку учебных пособий. Формы обучения и типы школ были различными, унифицированных программ не су-

ществовало, но определенный круг сочинений приобрел ввиду их частого использования характер учебников; их стандартные тексты, сопровождаемые комментариями преподавателей разных поколений, дошли до нас во многих списках, происходящих из всех концов мусульманского мира, и встречаются теперь почти в каждом собрании арабских рукописей.

Этническая среда, в которой обращалась арабская рукописная книга, была достаточно разнообразной еще в эпоху существования Халифата; тем более это относится к мусульманским государствам, где правили иранские, тюркские, берберские, монгольские, индийские и африканские династии. То обстоятельство, что книги на арабском языке писали и копировали люди разных стран, народов и племен, породило в новое время, когда началось становление национальных культур, актуальную проблему принадлежности культурного наследия: определять ли ее по этнотерриториальному происхождению соответствующих авторов или исходя лишь из единства средневековой традиции.

Христианская арабская рукописная книга была достаточно богатой и разнообразной. Но христианские общины, как правило, представляли собой островки среди преобладающего мусульманского населения, не получали государственной поддержки, нередко испытывали притеснения. Репертуар их книг ограничивался почти исключительно религиозной сферой, социальная база — монашеством и духовенством, место переписки и хранения — монастырями и церквами.

Существует широкий круг вопросов, едва здесь затронутых или вовсе оставленных в стороне, которые в принципе подлежали бы рассмотрению в настоящей статье (например, соотношение типов сочинений и книг, виды авторства, книготорговля, история книжных собраний и т. п.). Фактический материал по арабским рукописям необозрим. В этом сжатом очерке сделана лишь попытка осветить исторические судьбы арабской рукописной книги, ее состав и некоторые технические характеристики (подробнее см. [Халидов, 1985]).

Библиография, 1982. — Библиография арабских рукописей. Составление И. Б. Михайловой при участии А. Б. Халидова. Отв. ред., автор предисл. и вступит. очерков А. Б. Халидов. Аннотации И. Б. Михайловой. М., 1982.

Крачковский, 1957. — Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 4. Арабская географическая литература. М.—Л., 1957.

Сагадеев, 1980. — Сагадеев А. В. Ибн-Сина (Авиценна). М., 1980.

Халидов, 1982 (I). — Халидов А. Б. Арабский язык. — Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982.

Халидов, 1982 (II). — Халидов А. Б. Книжная культура. — Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982.

- Халидов, 1985. — Х а л и д о в А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
- Abbott, 1957—1972. — A b b o t t N. Studies in Arabic Literary Papyri. Vol. 1—3. Chicago, 1957—1972 (The University of Chicago, Oriental Institute Publications. Vol. 75—77).
- Brockelmann, 1898—1949. — B r o c k e l m a n n C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd 1—2. Weimar—Berlin, 1898—1902; Supplementbände 1—3. Leiden, 1937—1942; zweite, den Supplementenbänden angepasste Aufl. Bd 1—2. Leiden, 1943—1949.
- Eche, 1967. — E c h e Y. Les bibliothèques arabes publiques et semi-publiques en Mésopotamie, en Syrie, et en Egypte au Moyen Age. Damas, 1967 (Institut Français de Damas).
- Grohmann, 1967—1973. — G r o h m a n n A. Arabische Paleographie. T. 1—2. Wien, 1967—1973.
- Nöldeke — Schwally, 1909. — N ö l d e k e Th. Geschichte des Qorans. 2. Aufl. bearb. von Schwally Fr. T. 1. Über den Ursprung des Qorans. Lpz., 1909.
- Sezgin, 1967—1979. — S e z g i n F. Geschichte des Arabischen Schrifttums. Bd 1—7. Leiden, Brill, 1967—1979.
- Weisweiler, 1962. — W e i s w e i l e r M. Der Islamische Bucheinband des Mittelalters nach Handschriften aus Deutschen, Holländischen und Türkischen Bibliotheken. Wiesbaden, 1962 (Beiträge zum Buch- und Bibliothekswesen. Bd 10).

إِذَا مَا يَدُ الْيَوْمِ مَدَّتْ نَبَاهَا إِلَيْكَ خَطِيمٌ تَنَلُّكَ وَشَلَّتْ
 وَلَازِمَتْ مَا فِي الدُّهْرِ حِلَّتْ بِحُشْرٍ أَدَقَّتْ مَا الْخَلْعُ مِنْهَا فَطَلَّتْ
 إِذَا مَا أُمْتُ طَيْنَا الْعَيْسُ خَوْلٌ لَمْ تَخَفْ غَيَارًا وَلَمْ تَحْسَبْ لَلنِّسَاءِ الَّتِي
 وَقَالَ بَمَلْحٍ مَا لَكَ بِطُوقِي وَرَوْيَ لَعِينِي وَهِيَ بِطَبْعِ الْوَطَنِ
 أَقُولُ لَوْنَادِ النَّدَى عِنْدَ مَا لِي تَعُودُ يَجِدُونِي مَا لِي وَصَلَاتِهِ وَالْقَائِمَةِ سَلَا
 فَتِي جَعَلَ الْمَعْرُوفُ مِنْ دُونِ عَزِيدٍ سَرِيعًا إِلَى الْمَتَاجِ قَبْلَ عِدَاتِهِ
 وَتَوَقَّعَتْ أَمْوَالُهُ فَيُضْ كَفِّهِ لِقَاسِمٍ مِنْ بَرْجُو شَطْرَ حَيَاتِهِ
 وَإِنْ لَمْ يَجِدْ فِي قِسْمَةِ الْعَمْرِ حِيلَةً وَجَازَلَهُ الْأَعْطَا مِنْ حَسَنَاتِهِ
 لَجَادٍ بِهَا مِنْ غَيْرِ كُفْرٍ لِرَبِّهِ وَوَسَاهُمْ مِنْ صَوْمِهِ وَصَلَاتِهِ
قَافِيَةُ الشَّارِهُ
 قَالَ أَبُو تَمَّامٍ بَمَلْحٍ مَا لَكَ بِطُوقِي

وَتَنَا نَا حَقَّقَتْ أَيْ قَامَتْ فِيهَا

قَفَا بِالْذِّبَارِ الدَّارِ سَاقِ عَلَانَا اصْحَتْ حَبَالُ قَطِينٍ مِنْ رِثَانَا
 عَلَانَا أَرَادَ بِأَعْلَانَهُ قَوْمَهُ .. وَرُويَ أَبُو مَالِكٍ عَلَانَا أَيْ قَلِيلًا هُتِبَتْهُ وَقَطِينٌ مِنْ سَكَاةٍ
 قَسَمَ الزَّمَانَ دُونَ عَهْدِ بَيْنِ الصَّبَا وَقَبُولِهَا وَدُونََهَا أَنْتَلَانَا
 فَتَابَدَتْ مِنْ كُلِّ مَخْطَفَةٍ الْحَشَا عَمِيدُ تَلْسِي بَارِقًا وَرِجَانَا
 الْبَرَقَاتُ الْفَرْطَةُ سَمِيَتْ بِذَلِكَ لَسْتُمْ سَالِفًا وَالرَّعْدُ لَسْتُمْ كَمَا أَوْعَدَاتُ الدُّكْرِ

وَتَنَا نَا حَقَّقَتْ أَيْ قَامَتْ فِيهَا

Рис. 27. К очерку А. Б. Халидова. Ас-Сули. «Шарх диван Аби Таммам». («Комментарий ас-Сули к Дивану Абу Таммама») (Ленинград, ИВ АН, Араб. С 8, л. 546). Насх. 616/1219 г.

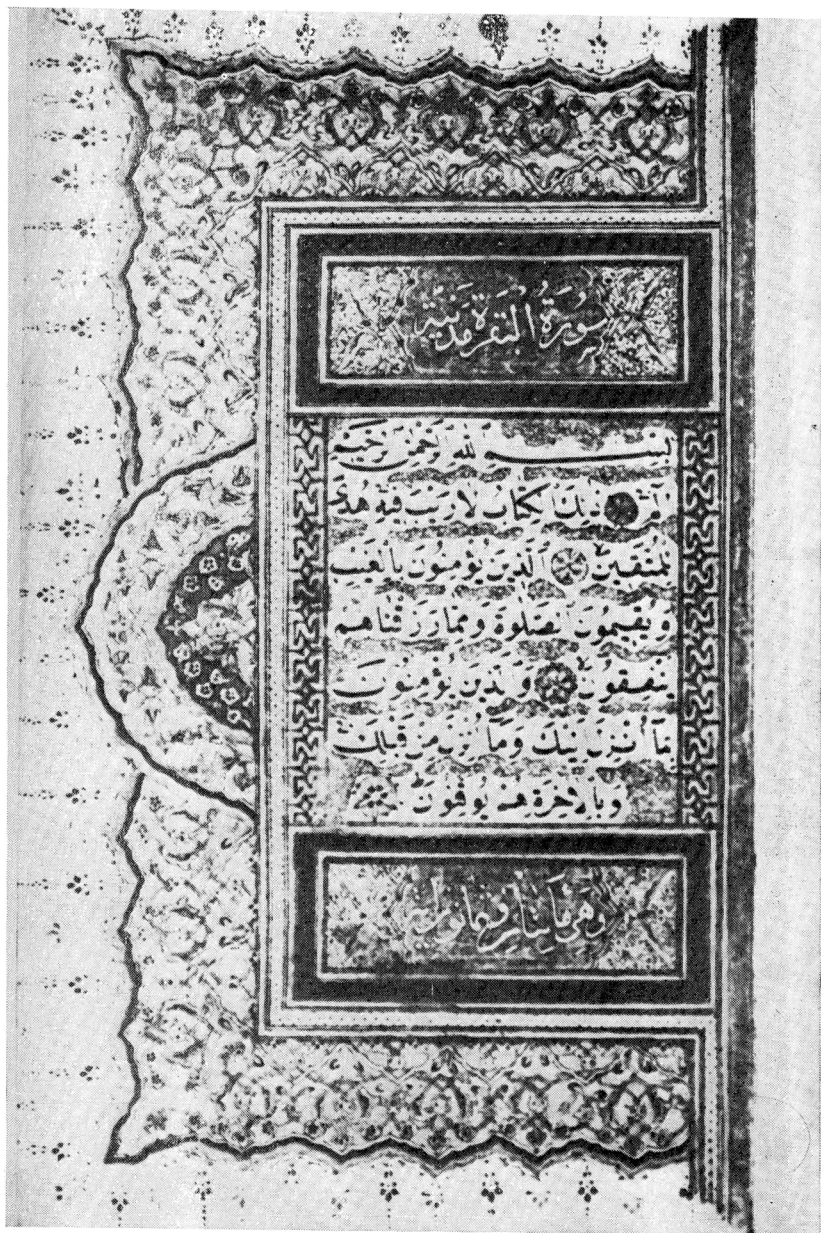

Рис. 28. К очерку А. Б. Халидова. Коран (Ленинград, ИВ АН, Араб. А 935, л. 16). Переписчик Ибн 'Аливаки ар-Ридави. Насх. 1135/1722-23 г.

Рис. 29. К очерку А. Б. Халидова. Коран (Ленинград, ИВ АН, Араб. С 705, л. 265а). Насх. XVI в. (?)

أمراض الطبقة الشبكية واحدة فقد تصب بها فضول
 حار حاده من الدماغ خروفاً يخرج النور المحصور بها بعينه إلى
 جميع أجزاء العين فينتله بالقطرات فكلما الطبقات فتعذر الحكيم
 للإنسان البصر وهذه العلة سبب انتشار وتفسيره أنه ما زال النور في جميع
 العين فاما العصب الأجوف فالأفة تعرض له أن يحل إلى
 من الدماغ فضول بارده رطبة ترسخ فيه على طول الأنار والربان
 فتعذر ما تنجلي ويخرج النور من الدماغ إلى العين فيفقد الإنسان البصر
 ونسب هذه العلة السدده
 هذا شكل طويات العين والطبقات والحجب

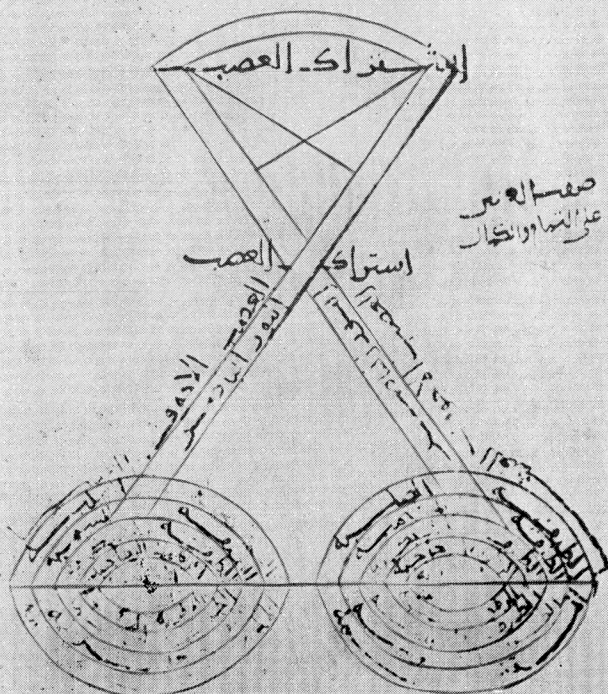

Рис. 30. К очерку А. Б. Халидова. Автор и переписчик 'Абд ар-Рахман б. Ибрахим б. Салим б. 'Аммар ал-Ансари ал-Мукаддаси. «Конспект сочинения Галена о глазных болезнях» (Ленинград, ИВ АН, Араб. С 875, л. 746). Насх. Иерусалим. 551/1155-56 г.

تَبَيَّنَ كَأَنَّهُ الرُّمَاءُ عَلَى خَمَارٍ نَبَخَ مِنْ دُكْرَانِهِ لَمَسَتْ أَرْوَاحُ
 فَزُولِهِ مَعَهُ وَأَجْرُهُمَا مَتَوَاءٌ وَمَوَالُهُمَا شَيْئٌ لَيْسَ فِيهِ دَارٌ مَطْرُوحٌ إِذَا
 وَصَلَهَا بِالسَّعْيَةِ تَعُولُ تَطْرَحُ بِصَوْرَةٍ كَرَامَةٍ وَكِرَامَةٍ وَأَسْرَسَتْ سَوِيَّةً
 نَظَارَةً جُنَّ يَغْلُو السَّمْسُ رَاحِمَةً طَرَحًا يَغْمُضُ لِمَا حِ وَبِهِ غَيْرُهُ
 الْمَلْحَاحُ مِنَ السَّمَاوَاتِ وَاللُّوْحُ الْعُطْسَى وَاللُّوْحُ السَّوَاءُ وَالْمَلْحَاحُ الرُّمَاءُ فَرَسٌ أَيْ
 غَيْرُهُ وَقَوْلُهُ تَسْرِبَتِ تَعُولُ إِذَا وَقَفَ يُنْظَرُ كَأَنَّهُمْ فَرَسَاتُ جَوْنَةٍ يَغْلُو
 تَسْرُوحُ فِي الْمَرْحَى وَقَوْلُهُ مِنَ الْمَوَالِيَةِ يَقَالُ أَلَيْسَ الْمَلِكُ أَوْ يَغْلُو إِذَا وَقَفَ
 أَلَيْسَ أَلَيْسَ وَمِنْ أَلَيْسَ أَيْ لَا يَلَاوِي فَرَسٌ وَمِنْ أَلَيْسَ عَلَى أَلَيْسَ وَقَوْلُهُ الرُّمَاءُ
 النُّصَبُ فِيهِ أَخُوذٌ بِالْفِعْلِ وَخَوَزٌ الْخَفْضُ عَلَى شَيْءٍ تَرَكْرُ بَعْدَ الْفَوَاحِ مِنْ مَرْمَرِ الْمَاءِ
 إِنْ سَمِيَ اللَّهُ وَأَصْلُ الْخَمَارِ الْأَنْصَرُ وَالْعُطْفُ مَا أَنْتَ مِنَ الْعَبْقِ قَالَ اللَّهُ تَابِعْهُ
 وَيَقَالُ لِلْمَرْذِيَةِ أَنْتَ الْعُطْفُ لَا تَقْنَعُ عَلَى ذَلِكَ الْمَوْضِعِ وَمِنْ الْخُرُوبِ أَنْ تَقُولَ مَا تَرَى
 أَعْلَمُ مِنْ فَرَسٍ أَنْتَ غَيْرُكَ الْخَطْبُ وَحِمَّةُ اللَّهِ وَكَانَ فَايِدًا يَنْتَهِي عَنْ فَرَسٍ يَقَالُ
 الْخُرُوبُ أَمَّا الْتَمَحُّجُ فَطَرَالُ الْكَلْبِ ثُمَّ قَالَ أَطْرَحُوا الْعُطْفَ وَأَجْرُهُمَا عَطَافٌ
 ثُمَّ أَمْرُهُمْ بِأَقْلَامِهِمْ وَأَذْبَرُوا ثُمَّ أَقْبَلَ عَلَيْهِمْ فَقَالَ لَيْسَتْ بِكَ فَرَسٌ وَلَا مَعَالِيهَا
 وَأَعْطَاهُمْ فَمِنْهُمْ مِنْهُ وَالْخُرُوبُ الْعَبْقُ وَالنُّزُوحُ الْخَلْجُ وَالْأَجْرُ مَا لَرَدَ وَفِي
 مِنَ التَّافَةِ أَنْ يَفْعَ فِي مَارٍ الْأَنْفَ وَالرُّمَاءُ يَفْعُ فِي السَّعْيَةِ يَقَالُ لَهُ الْجَسَّاسُ وَالْعَاجِ
 كَانَ تَحَرُّكًا مَشْهُورَةً فَسَأَلَ جَرِيئًا

البحر

فَرَسٌ أَيْ الْعَبْقُ الْجَوَالِي جَوًّا لَا يَكْرَهُ مَا مَسَّكَ مِنْ عَرَبٍ عَجِجَ وَهُوَ ذَلَّلُ
 الْبَحْرِ مَا تَعْلَقُ مِنَ الْخَوَلِ وَالْأَجْرُ بِأَذْنَابِ الْأَيْلِ وَالْوَدَّاحُ مَا يَتَلَقَّى بِأَذْنَابِ الْمَاءِ
 وَالْخَوَلُ مَعَالِمَةُ الْأَسْوَدِ وَمَوَالُ الْعَلَبِ فِيهِ وَالْخَوَلُ رَأْسُ الرُّزْدِ الرَّزْدُ عَلَى الْأَمَامِ
 وَالْكَرْسُوعُ رَأْسُهُ الرُّزْدُ عَلَى الْخَصْرِ وَالْمَسْكَةُ السَّيَّوَارُ وَالرُّزْدُ عَلَى الْبَعْرِ مِنْ
 الْقَدَمِ كَالْأَسْوَدِ يَقَالُ سَوَارٌ وَسَوَارٌ بِالْكَسْرِ وَاسْوَارٌ كَمَا قَالَتِ الْخَمْسَاءُ
 كَأَنَّهُ جَنَّتْ طَلْعُ السُّودِ السَّوَارِ وَالْبَحْرِ شَحْرُ بَعِيَّةٍ وَلَا تَطْعُ مَا تَطْعُ
 مِنَ التَّوَابِ يَقَالُ أَطْعُ وَطَحَّاءُ يَأْفِي وَأَذْبَرُ وَتَرْمَاهُ وَأَمْعَرُ وَمَعْرَاءُ وَهَرَاكُشُ
 وَالْمَتَارِيحُ الْمَتَارِيحُ يَقَالُ جَرَحَ فِي الْخُرُوبِ وَأَنْقُ أَهْلُ الْعَمْرِ مَا لَهَا لَوْنُ جَا
 مَعَالِيهِ مَلْطَافِي

Рис. 31. К очерку А. Б. Халидова. Ал-Мубаррад (ум. 285/898 г.). «Ал-Камал» («Совершенный») (Ленинград, ИВ АН, Араб. С 674, л. 174а). Почерк магрибинский. Северная Африка. 537/1142 г.